

18+

▲ ННА ▶ ЭЛ

БРАХМАЧАРУ

Роман-откровение о созависимых отношениях
На кончиках пальцев и на волоске от жизни

Анна Вэл

Брахмачари

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70821760

ISBN 9785006414495

Аннотация

«Брахмачари» – это пронзительный роман-откровение о созависимых и, казалось бы, совсем не возможных отношениях, трогаящий до глубины души. Главные герои книги – люди из абсолютно разных миров. Он – бывший сектант, вынужденный жить и работать в ночном клубе. Она – бывшая балерина, проходящая лечение в психиатрической клинике. Но им суждено было встретиться в этой жизни, потому что они – психически другие люди. У них был выбор – прыгнуть вниз, или протянуть друг другу руку помощи.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	21
Глава 3	38
Глава 4	54
Глава 5	71
Глава 6	89
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Брахмачари

Анна Вэл

Валерия Капинос *Дизайнер обложки*

© Анна Вэл, 2024

© Валерия Капинос, дизайн обложки, 2024

ISBN 978-5-0064-1449-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Трудно сказать, что побудило меня написать эту историю – потребность излить кому-то душу, банальное желание оставить что-нибудь в назидание для потомков, нереализованные творческие амбиции или, быть может, нечто совсем другое.

Я недавно читал интересную книгу по ведической астрологии – там тип моей сочетаемости планет определяет продолжительность жизни не более чем 46 лет. Не думайте, что шучу, но я немного обрадовался. Умирать – это совсем не грустно. Может быть, я жить устал? Мне уже 25. Считается, что это кризисное время – в лучшем случае, треть жизни прожита. И действительно, никогда не был пессимистом, но сейчас жизнь меня давит, нигде не вижу просветов: мне не удалось добиться тех духовных целей, на которые я рассчитывал (не говоря уже о материальных, типа чёрного «Феррари» или мраморной виллы в Греции). Вот уже в который раз я собираюсь уехать, оставить этот город и клуб, где я работаю, но почему-то я всё ещё здесь. Хотя, если рассуждать здраво, и ехать-то мне некуда. Родители уже давно махнули на меня рукой как на неудачника и человека, у которого не всё в порядке с головой. Ещё бы, в их представлении я был психом, отдавшим своё имущество одной восточной религиозной организации, потому что просто не хотел

иметь что-либо в своей собственности. Я раздал все свои вещи, оставив только самое необходимое, и ушёл жить в один из ашрамов, став монахом. Отец тогда сказал, что лучше бы я был наркоманом, чем сектантом, потому что от наркотической зависимости избавиться гораздо легче, чем промыть мозги «тупому зомби», каким я был и, наверное, до сих пор остаюсь в его глазах. Просто мой отец знал не всё...¹

В тот период я испытывал жуткий кризис, внутренние проблемы и глубочайшую депрессию, и единственно правильным для меня вариантом мыслил лишь уход – либо из жизни, либо от действительности... Возможно, у меня был просто кризис эго. Ко мне пришло немного другое видение мира, и от такой интенсивной усложнённой практики у меня в голове произошёл сдвиг: как-то всё стало тихо-тихо, как будто утром выходишь на улицу и видишь падающий снег. Думаю, это переоценка ценностей. Помню только ощущения и мысли. Всё переплетается в голове: сны – с воображением и с эхом действительности, а реальность представляется в искажённом виде. Но годы в ашраме всё равно были самыми лучшими в моей жизни. Я испытывал настоящее счастье и, вместе с тем, некое глубинное, всецелое опустошение. Опустошение, которое, как мне казалось, наоборот наполняло мою жизнь новым смыслом. Мои душа и тело не могли жить иначе, потому что для меня это значило жить, как все остальные – окованным путами материального

---

¹ Ашрам – духовный центр, монастырь.

мира и зажатым в тиски Сансары. Я верил в божественное происхождение своего Учителя – лидера секты, истинность Учения и обещанное нам светлое будущее, и так же верил в то, что моё главное предназначение – быть монахом.^{2 3}

А потом случилось непредвиденное – нашего Учителя по ложному донесению обвинили «во всех смертных грехах» и арестовали. Мы подвергались гонениям, в здание ашрама несколько раз врывались люди в погонах и устраивали обыски. Размахивая какими-то постановлениями, они забирали с собой на дознание по 2—3 человека, и потом приезжали за остальными. Я тоже не избежал этой участи и провёл несколько дней в КПЗ, давая показания, хотя толком не знал, что вообще происходит. Позже выяснилось, что нашего Учителя просто подставили другие лидеры секты, мечтавшие завладеть её имуществом. Но это никого не волновало, правда никому не была нужна...

Когда я покидал ашрам, я чувствовал себя изгнанным из Рая. Мне казалось, что моя жизнь снова потеряна и больше не имеет смысла. Возможно, я был слабым и ведомым – зависимой личностью, которая нуждается в Учителе. Одним словом, типичным сектантом с присущей ему психологией и внутренними комплексами. И я не знал, куда мне идти дальше, и что это такое – вернуться в материальный мир.

---

² Сансара – круговорот рождения и смерти в мирах, ограниченных кармой, одно из основных понятий в индийской философии.

³ Учитель в романе – вымышленный персонаж.

Здесь я должен уточнить, что многие мои духовные братья остались в ашраме, но уже с другим Учителем и, получается, совсем в другой религиозной общине, проповедовавшей иные ценности. В моих глазах они были предателями и веротступниками, хотя я и обещал самому себе не судить людей и их поступки. Мы все несовершенны. Новый лидер секты объявил меня Иудой, что ещё больше подорвало во мне всякую веру в справедливость. Мне хотелось закричать на весь мир о но это было всё равно что кидать горох об стену. Такие борцы за правду никому не интересны и, более того, мешают. Зачастую их удел печален. Учитель говорил, что нельзя ни в коем случае обижаться на обстоятельства, на людей и на мир. Мне оставалось только смириться. *своей правде,*

Денег у меня не было и в этом городе я никого, кроме братьев по ашраму, не знал, а о возвращении в родительский дом не могло быть и речи. И я решил, что нужно для начала выйти на трассу, поймать попутку и уехать отсюда как можно дальше, чтобы всё забыть. Я был наивен. Разве можно так легко предаться забвению?! Поскольку ашрам находился практически за городом, мне не составило труда дойти пешком до главной дороги, из вещей у меня были только рюкзак и небольшая тканевая сумка с эмблемой нашей организации. Когда-то давно мне уже приходилось ездить авто-стопом, поэтому я встал на обочине, вытянув руку и подняв вверх большой палец. Но, видимо, моя монашеская одежда не располагала к доверию и отпугивала водителей. Первая

машина остановилась лишь минут через сорок, когда я уже, казалось бы, потерял всякую надежду.

– О, привет! Харе Кришна! – сказал мне водитель – веселый молодой парень в очках.⁴

– Я вообще-то не кришнаит, я из ..., – ответил я. *других*⁵
– Да мне без разницы, садись давай! Вместе веселее ехать, а то мне еще часов пять рулить до родного города.

Так мы и познакомились, и эта встреча изменила все мои планы и, возможно, всю мою жизнь.

***

Хозяина машины звали Юра, он был модным ди-джеем (DJ Yurik) и совладельцем небольшого ночного клуба, как он выразился, «чисто для своих».

– У нас тоже типа секты – полностью закрытый клуб, и можно войти только по клубным картам или личному знакомству. Само собой, строгий фейсконтроль и дресс-код, и абсолютная засекреченность. К нам приходят только свои, кто в теме: всякие фрики и неординарные люди, клабберы, идейные тусовщики – сказал Юра. – Но ты, наверное, далёк

---

⁴ Водитель принял парня за кришнаита и поэтому приветствовал данной фразой.

⁵ Секта, в которой состоит главный герой романа, в реальности не существует. Любое сходство с реальной религиозной организацией является случайным.

от всего этого. ^{6 7 8}

– Ну я же не всегда был монахом, да и музыку до сих пор люблю слушать. В основном электронную, типа ambient, minimal-electro или psychodelic chill-out. ⁹

– Ого, да ты в теме! Наш человек, значит! – и он улыбнулся. – Кстати, тебе вообще куда надо? А то я даже не спросил.

– Если честно, я и сам пока не знаю, – ответил я. Спустя паузу, я неожиданно для самого себя рассказал Юре всё, как было – и про свою жизнь в ашраме, и про обыски, и про арест Учителя, и про то, что идти мне абсолютно некуда. Он слушал меня очень внимательно, а потом вдруг предложил:

– Если хочешь, можно будет пожить первое время у нас в клубе. Условия, конечно, не очень, но зато бесплатно. Хотя ты, наверное, привык к отсутствию комфорта. А если ещё и делать что-то полезное умеешь, то считай, что работой ты обеспечен.

– Спасибо! Я вообще-то с техникой дружу и есть опыт работы в студии звукозаписи. Ещё в компьютерах неплохо разбираюсь.

---

⁶ Фейсконтроль (от англ. face «лицо» и control «проверка») – ограничение входа, выборочный отказ в обслуживании посетителей (клиентов), не удовлетворяющих определенным критериям.

⁷ Форма одежды, требуемая при посещении определённых мероприятий, организаций, заведений.

⁸ Клубберы (clubbers) – люди, которые разбираются в мире электронной музыки и являются частыми посетителями разных клубов.

⁹ Стили электронной музыки.

– Ого, неожиданно! Не зря я тебя на дороге подобрал! Нам как раз нужен человек, который будет следить за световым и звуковым оборудованием. Сложного там ничего нет, я думаю, ты быстро разберёшься. Ну что, согласен?

И я согласился.

***

В город мы приехали поздним вечером. Юра сказал, что сегодня клуб не работает, и у него как раз есть возможность мне всё показать. А ещё по пути мы зашли в супермаркет, и он купил для меня фрукты и орехи, спросив перед этим, что я вообще ем. Видимо, у меня хорошая карма, раз первый встреченный мной человек оказался таким отзывчивым, накормил и приютил. К тому же он относился ко мне как к равному, не считая неудачником, безумцем или опасным сектантом. И мне почему-то казалось, что у Юры за плечами тоже имеется какой-то духовный опыт и что раньше жизнь его была не так безоблачна, как сейчас. Но лезть ему в душу я не имел права, полагая, что если человек сам захочет раскрыться, то обязательно рано или поздно это сделает.

Выйдя из машины, мы прошли через разрисованную граффити арку вглубь какого-то старого дворика и остановились рядом с неприметной железной дверью. Никаких вывесок или опознавательных знаков не было, и о том, что здесь находится ночной клуб, никто из посторонних точ-

но бы не догадался.

– Я же говорил, что место секретное, – подмигнул мне Юра. Достав ключи из кармана, он открыл дверь и пропустил меня вперёд.

Я думал, что нужно будет спускаться куда-то в подвал, и не ошибся: бетонная лестница, выкрашенная в ярко-красный цвет, вела вниз. На стене, в которую так или иначе упирался взгляд каждого, была сделана надпись, занимающая всё пространство от потолка до пола:

«Глядя вслед уходящим поколениям, невольно думаешь, а что останется после всего этого? Музыка, фотографии, вспышки в памяти, люди, с которыми тебя что-то связало навсегда или очень надолго... Эмоции и воспоминания.»

Так, наверное, и будет. Но пока существует то, что питает всё это, то место, в которое мы приходим, когда нам хорошо или плохо, когда мы хотим побыть в компании себе подобных или когда нам нужно одиночество – все будет продолжаться! «SVOBODA/EXISTENCE» начинает очередной этап своей истории, не сказать, чтобы новый, но уж точно и не старый! Он будет просто ДРУГОЙ. Причудливые переплетения старых стен и новых лиц (и наоборот), новые имена, прежние знакомые... Не изменится лишь то, что клуб «SVOBODA/EXISTENCE» останется местом не для всех. И не только потому, что он маленький, а просто потому, что здесь

всегда были МЫ и пели НАШИ песни! И так будет всегда, или не будет никак».

«SVOBODA/EXISTENCE», по-видимому, было названием клуба и означало «Свобода/Бытие». Я очень удивился, потому что эта фраза в моем понимании имела какой-то философский подтекст, отсылающий, как минимум, к Камю или Кьеркегору, и уж никак не ассоциировалась с ночным клубом.^{10 11}

Честно говоря, я был впечатлён – я реально стоял на пороге какого-то странного, особого места, с пока что не знакомым мне содержанием и энергетикой, хотя внутренне я чувствовал, что это место тоже может стать *. моим*

Слева была еще одна металлическая дверь с расположенной над ней неоновой вывеской. Юра снова пропустил меня вперёд.

В интерьере клуба преобладали красные цвета, на стенах были развешаны кубинские флаги, портреты Че Гевары, изображения кубинских городских пейзажей, а также куча афиш, рекламных постеров и фото с вечеринок. Помещение показалось мне совсем небольшим. Помимо центрального зала с барной стойкой и сценой здесь был еще чилл-аут зал, вход в который закрывали плотные портьеры. И вообще

---

¹⁰ Альбёр Камю (1913—1960) – французский философ-экзистенциалист, а также журналист и писатель.

¹¹ Сёрен Кьеркегор (1813—1855) – датский философ, теолог и писатель, по праву считается предтечей и одновременно основателем европейского экзистенциализма.

вся эта обстановка чем-то напоминала дом, в котором живут представители богемы и часто проходят тусовки. Создавалось ощущение, что ты попадаешь в иной мир – дружбы, тесного контакта, сборища единомышленников. Да и могло ли быть иначе в клубном пространстве размером с квартиру? Я почему-то вспомнил трехстишие японского поэта: «Чужих меж нами нет. Мы все как будто братья под вишнями в цвету». Здесь все были равны, как в братстве, и свободны, как на Кубе. И мне на мгновение показалось, что из одной секты я попал в другую...^{12 13 14}

– Раньше тут находился особняк одного мецената – заядлого театрала. Здесь он жил, а на другой стороне улицы построил частный театр. Во время войны оба здания были разрушены. Этот дом в стиле Сталинский ампира был построен на месте старого в 1952 году известным архитектором. Ты можешь завтра днём как раз прогуляться, посмотреть колонны на фасаде. У нас вообще купеческий город – красивый и с богатой историей, и мы как раз в самом центре сейчас находимся, где много интересных, необычных домов. Я просто на архитектурном учился, поэтому много всего знаю, – сказал Юра и добавил: – Ладно, давай я тебя отведу в твою

---

¹² Аргентинский революционер и кубинский государственный деятель.

¹³ Слово «chill-out» в разговорном английском означает расслабляющий отдых, а также призыв успокоиться, остыть. Для этой цели служат чилл-ауты (чиллауты) ночных клубов. Их атмосфера обычно располагает к непринужденному безделью, отдыху и доверительному общению.

¹⁴ Кобаяси Исса (1763 — 1828 гг.) – японский поэт.

«келью», а сам домой поеду, мне выспаться надо с дороги. ¹⁵

Мы прошли через узкий проход, скрытый за баром, где обнаружилось еще две небольших комнаты. Одна из них служила гримёркой – там переодевался обслуживающий персонал и могли отдохнуть музыканты, а вторая – душевой, поскольку все стены и пол в ней были выложены кафелем. Но, видимо, по назначению это помещение никто не использовал, и в углу стояли какие-то ящики и пакеты.

– Как видишь, весьма аскетично, но я думаю, что тебе не привыкать. И главное – бесплатно! Живи, сколько хочешь. Это будет только твоя комната, сюда никто не заходит, кроме уборщицы. Можешь взять из гримёрки вешалку и что там ещё тебе потребуется. В каком-то из ящиков лежат полотенца и постельное бельё. Думаю, ты сам без проблем найдешь. Сегодня придётся на полу поспать, или можешь на диванчике в чилл-аут зоне, ну а завтра что-нибудь придумаем. Душ работает, можешь пользоваться. Туалет в коридоре. Кулер с водой – возле барной стойки. Ну вот, вроде бы всё объяснил. Утром приеду, привезу тебе поесть чего-нибудь, – сказал Юра.

– Спасибо! Я привык на полу спать, так что не заморачивайся. И вообще, даже не знаю, как тебя благодарить, – ответил я.

– Да ладно, мы ж все свои, в смысле, что люди. А я не могу пройти мимо тех, кому требуется помощь, меня так воспи-

---

¹⁵ Действие романа происходит в Ростове-на-Дону.

тали. Ты, наверное думал, типа вот он такой беспредельщик, ведёт клубный образ жизни, погряз в грехах и всё прочее, но впечатление может быть обманчивым. Если я тусовщик и совладелец ночного клуба – это не значит, что я какой-нибудь бездушный человек и не имею представления о духовности.

– Я никогда так не думал, поверь мне! Обычно я сразу чувствую людей, имею в виду, их энергетику. Меня этому Учитель научил.

– Ладно, потом как-нибудь расскажешь, как ты это делаешь. Аж самому стало интересно. Но мне уже давно домой пора. Дверь я закрою, – и он ушёл, перед этим пожав мне руку, как старому знакомому.

***

И вот я снова остался один. Моя комната площадью около 6-ти квадратных метров, но было бы глупо жаловаться на неудобства, к тому же я решил здесь всё комфортно обустроить. Я прикатил из гардероба вешалку и повесил на неё свою одежду. Она на колёсиках, и я в любой момент могу передвинуть её, куда захочу. Там же я нашёл толстый туристический поролоновый коврик, расстелил его на кафельном полу и поверх положил своё бывшее дхоти, так что получи-

лось вполне удобное ложе в духе индийских садху. Я взял постельное бельё, полотенце и плед из коробки. Подушки не было, но я в ней и не нуждался. Затем я достал из рюкзака книги, мои старые рисунки и фотографии, и сложил в большой серебристый кофр, в котором музыканты обычно перевозят свои инструменты. Теперь это был мой столик для ноутбука. Ноутбук – единственная из ценных вещей, которую я себе оставил в собственности, тем более что в общине это не возбранялось. Но мобильного телефона у меня не было, да и вообще не было лишних вещей. К чему они?! Глупо окружать себя бесполезными безделушками, всякой там мебелью и прочим. Зачем? Я не люблю, когда всё пестрит так, что мозг занят лишь узорами. А теперь он почти в вакууме и за ним легче наблюдать – это как постижение дзен. Мне очень близок минимализм. И вообще, как говорил Учитель, жить, довольствуясь малым – это величайшее богатство. ¹⁶

17 18

Приняв душ, я немного помедитировал, а затем, раскрыв ноутбук, записал свои впечатления и мысли за прошедший день. Это уже давно вошло у меня в привычку – я вёл что-

---

¹⁶ Дхóти – традиционный вид мужской одежды, распространённый в Южной и Юго-Восточной Азии, в частности в Индии. Представляет собой прямоугольную полосу ткани длиной 2—5 метров.

¹⁷ Садху – термин, которым в индуизме, буддизме и индийской культуре называют аскетов, святых и йогингов, а так же странствующих монахов.

¹⁸ В данном контексте дзен представляет собой ценную философию и практику, которая помогает сохранять спокойствие и гармонию.

то наподобие дневника, изливая свою душу безжизненному компьютеру. А потом я уснул, как убитый, и впервые за последнее время пропустил утреннюю молитву в 4 часа. В ашраме мы вставали под звук колокольчика, но сейчас я находился совсем в другом месте и, видимо, был физически и морально измотан. Не знаю точно, сколько времени я проспал, но разбудил меня стук в дверь.

– Привет! – поздоровался со мной Юра. – Как спалось на новом месте?

– Спасибо, всё отлично!

– Ну вот и хорошо! А теперь пойдем завтракать. Девушка моя на здоровом питании помешана, вот приготовила коричневый рис с овощами. Сказала, что тебе такое точно можно! Я ж не выдержал, рассказал ей про тебя. Она, конечно, немножко в шоке, хотя её вообще сложно чем-то удивить.

– Представляю, – сказал я, хотя на самом деле было нелегко предугадать, какое впечатление может сложиться обо мне у других людей. Я знал, что в большинстве своём люди относятся к нашей общине с подозрением, потому что отовсюду моего Учителя поливали негативом и объявляли чуть ли не врагом народа, и на самом деле никто не знал, что это был за человек.

Юра ел вместе со мной за компанию. Ему повезло – его девушка готовила очень вкусно, о чём я сразу же сообщил.

– Это да, готовить она умеет! Но у неё не всегда есть время.

– А чем она занимается? – поинтересовался я.

– Она дизайнер, шьёт на заказ всякую одежду в этническом стиле, готические платья, еще может сделать шляпку буквально из ничего. Мы с ней в клубе как раз познакомились, чуть больше года назад. У нас проходила костюмированная ретро-вечеринка, и самый крутой образ был, конечно, у неё. Ну и как-то мы сразу сошлись, на одной волне. Наверное, ты как только увидишь её, поймешь, что это она! – и Юра улыбнулся.

После завтрака он показал мне, как обстоят дела с техническим оснащением клуба и спросил, смогу ли я справиться с подключением света и звука, если мне всё подробно объяснить. Я ответил, что надо попробовать, потому что именно с такой аппаратурой я раньше не работал, и мне потребуется немного времени, чтобы во всём разобраться.

– Окей! Обычно всё это настраивал я или мой приятель, но мы уже давно подумывали взять специального человека. Сегодня вечером клуб будет работать, заодно и попрактикуешься, пока есть время до открытия. Если справишься и захочешь этим заниматься, то станешь получать зарплату. Но сразу скажу, что все финансовые вопросы решает мой партнер – совладелец клуба. Я больше по творческой части, арт-директор, одним словом. Но на твои потребности, думаю, денег точно хватит, если, конечно, ты будешь жить в клубе, а не снимать отдельную квартиру. У нас не Москва, но тоже не дешево...

– Я понял. Постараюсь оправдать твои ожидания.

– Тогда запоминай! – Юра провел меня на сцену к диджейскому пульта, колонкам и другому оборудованию, показывая, как всё это работает и куда подключается.

Потом он уехал по делам, а я снова остался один в абсолютно пустом клубе, экспериментируя со светом и звуком. Я вообще технарь – для меня все эти манипуляции оказались совсем не трудными. И, как минимум, мне нужно было хоть как-то зарабатывать деньги себе на еду и непредвиденные расходы. Жить и работать здесь – не самый плохой вариант, к тому же искать что-то другое я не видел смысла. Да и кроме Юры в этом городе я никого не знал. Раз уж я оказался в «SVOBODA/EXISTENCE», значит, на то воля Высших сил, а ей сопротивляться бессмысленно, ведь просто так ничего не происходит и всё в нашей жизни предопределено заранее.

Глава 2

«SVOBODA/EXISTENCE» работал пять дней в неделю, со среды по воскресенье. В 20.00 открывался бар, а клубная программа начиналась где-то с 22.00 и продолжалась часов до 5 утра. Юра сказал, что все должно быть подключено за полчаса до начала клубной программы, а до этого я могу распоряжаться своим временем, как захочу. В мои обязанности входило следить, чтобы все работало исправно. Если в клубе было какое-то танцевальное шоу или особое выступление, то я получал техзадание по свету и звуку. Например, что подсветка сцены должна быть красной, или что верхние прожекторы вырубаются, а на определенной песне нужно включить дым-машину. Я следил за видеорядом на проекторе, если это требовалось, и на некоторых выступлениях монтировал дополнительный экран на сцене и запускал с флешки ролик, который предоставлял исполнитель. Ну и, естественно, я должен был потом все отключить, собрать провода и прочее, а технику сложить в специальные кофры и поставить на место. Вот, в принципе, и вся моя работа. Должен признаться, мне это даже нравилось – я снова чувствовал себя нужным и не одиноким. К тому же в клуб приходили интересные люди, да и персонал относился ко мне очень хорошо.

Помимо меня в клубе каждый день работали уборщи-

да и бармены Паша и Саша – братья-близнецы. Поскольку бар открывался чуть раньше, чем начиналось основное веселье, я мог с ними поговорить. Иногда за барной стойкой их сменял Стася – совладелец клуба. Вообще-то его звали Стас, но все почему-то называли Стасей. Он занимался финансами, а также всеми прочими вопросами, кроме творческих. Именно он платил мне зарплату и дал мобильный телефон, чтобы я всегда был на связи. Однажды, когда посетителей ещё не было, он рассказал мне историю создания «SVOBODA/EXISTENCE».

– Наш клуб начинался как бар. Я хотел открыть в родном городе заведение, похожее на питерское. Чтобы это было атмосферное место, такой в своём роде фулл-контактный бар, куда будет приходить особенная публика – в основном, неформальная и без гламурных понтов. Я сам стоял за стойкой, обслуживал посетителей, со многими подружился и общаюсь до сих пор. Можно сказать, что мы – самый старый из всех баров города, которые не закрылись ни в кризис, ни по каким-то другим причинам. Потом в баре появился Юрик, окрылённый идеей сделать такой же атмосферный клуб. Я подумал, что почему бы и нет? Клубная культура в нашем городе всегда занимала особое место, но чисто андеграундных заведений не было, я имею в виду в сфере танцевальной электронной музыки. Были чисто рокерские клубы или для всяких там меньшинств, ещё какие-то гламурно-танцевальные или пафосные, куда девушки приходили в поис-

ках богатого папика. И всё это было не наше, не наш формат: хотелось создать как бы продолжение бара. И вот тут помог случай – сдавалось подвальное помещение в том же доме, где был мой бар, только вход через арку. Мы с Юриком все обдумали и решили, что этот вариант упускать нельзя. Я взял кредит, Юрик тоже вложил, и мы приступили к работе. Юрик же архитектор, хоть и не доучился. Он придумал официальный проект перепланировки помещения под клуб с учётом всех требований – звукоизоляция, пожарная безопасность и прочее. Почти весь ремонт, кроме замены коммуникаций, мы делали сами. Сами красили, сверлили, собирали мебель. Кстати, некоторые завсегдатаи бара вызвались нам помочь, когда узнали, что мы расширяемся. Поэтому здесь каждая деталь, каждый уголок хранит чью-то историю. Некоторых уже нет в живых, но воспоминания об этих людях замурованы в стенах «SVOBODA/EXISTENCE», – и он вздохнул, бросив произвольный взгляд на одну из фотографий, украшавших стену рядом с барной стойкой. – Первый бар продолжает работать под своим привычным названием, но клубу мы дали вот такое нестандартное имя. Бытие определяет сознание, а ум должен быть свободным. И вообще свобода – это наше всё! Вкусив здешней атмосферы, люди возвращаются к нам снова и снова. Этот как тоска по дому или ностальгия по Родине, как встреча старых друзей. Чужие к нам не ходят, у нас своя публика. Охрана знает всех в лицо, а новых посетителей пускает только по спискам (член клуба

может привести гостя). Времена и люди меняются, но наш клуб и бар остаются. И так будет всегда, иначе не будет никак...¹⁹

Я слушал его рассказ, больше похожий на исповедь. По сути, у них был тот же ашрам – со своими порядками и законами, и своя вера – в музыку, дружбу и внутреннюю свободу. Быть может, человек и правда стадное существо и не может жить без коллективной идеологии? И поэтому люди объединяются в пары, семьи, клубы по интересам, партийные или профессиональные организации, религиозные общины – в определенную субкультуру, принадлежность к которой им так важно ощущать и , чтобы не сойти с ума от непонимания и одиночества. *здесь сейчас*

***

Наконец-таки я осознал, почему остался в «SVOBODA/EXISTENCE». Я воспринимал своё пребывание здесь как аскезу, некое служение. Быть может, это испытание моей веры, искренности и чистоты. Как ни крути, но я всё ещё был брахмачари – монахом, свободным от привязанностей и страстей. Находясь, казалось бы, в центре «разврата», как многие представляют себе ночной клуб, я продолжал следовать своим заповедям. Я не пил алкоголь и не контакти-

---

¹⁹ Термин из боевых искусств. В данном случае употребляется в значении: для максимально полного общения.

ровал с девушками, но не потому, что это было запрещено, а по иным причинам. На самом деле всё у нас в голове и зависит от нашего отношения к миру. Так говорил Учитель. Можно, как в одной известной притче, перенести женщину через лужу и тут же забыть об этом. А можно только и думать о женщине и том, что было бы грехом приблизиться к ней и тем более прикоснуться. Иными словами, «лучше беседовать с женщиной и думать о Боге, чем наоборот». Можно на событийном уровне быть брахмачари и подавлять сексуальные желания, но весь секс переместится в ум, и там продолжится тот же самый секс. Всё во власти нашего ума! Желания нужно не подавлять, а трансформировать. Чем чище ум, тем меньше в нём загрязнений. Любая энергия может быть очищена и сублимирована. Брахмачари должен контролировать свой вкус. Он должен есть, чтобы жить, а не для удовольствия. Он должен видеть только чистое и закрывать глаза перед чем-либо нечистым, хотя всё на самом деле условно. Чистое может стать грязным, равно как и наоборот. Всё дело в нашем восприятии. Как говорил Учитель, настоящая свобода – это когда ты сможешь отречься от отречения. И ещё мне казалось, что находиться среди всех этих соблазнов и не поддаваться им – гораздо более сложный путь, нежели скрыться от мирской жизни в стенах монастыря. ²⁰

---

²⁰ Здесь: одна из ступеней духовного ученичества в восточных религиях, предполагающая временный отказ от мирской жизни и удовольствий.

Это осознание открылось мне только сейчас. Раньше я был уверен, что высшая степень для меня – это уход в ашрам, но по факту это был всего лишь побег от действительности. Большинство людей, ударяясь в духовные поиски, становятся неадекватными: начинают усиленно поститься, питаться только энергией Солнца, креститься или медитировать напоказ, стоять на гвоздях, бить в барабаны, странно выглядеть и разговаривать, пытаться обратить всех и каждого на путь «истины» и совершать прочие действия. Это отталкивает их от общества и, в свою очередь, общество – от них. Учитель говорил, что во всём нужен баланс, золотая середина. Но люди, как правило, бросаются из крайности в крайность, забывая о том, что духовный человек – вовсе не тот, кто обмотался в монашескую тогу, начитался священных писаний, получил кучу посвящений и забросил все мирские обязанности, включая семью и работу. Я всегда это знал, но в тот момент жизни не мог не стать монахом – мне нужно было пройти и этот опыт тоже, пропустить через себя.

Сейчас у меня другой опыт. Работаю потихоньку, так и не решившись никуда свалить. Интересное состояние сознания: если не за что хвататься и нечего хотеть, то не тяжело, а даже, наоборот, весело! Сейчас моя практика – не иметь никакой практики. В смысле, концентрируюсь на одном – на том, что само воспринимается. Всё это мне так нравится, что кажется, что я ворвался в божественное, мифическое «»: я только наблюдаю за тем, что чувствую, и всё. Такое бывает,

когда ум успокоился и начинаешь видеть простые вещи, которых не замечал ранее. Вернее, замечал, но они не вызывали восхищения. Мистики называют это состояние «и», или «присутствие» (Бога, наверное). Я вдруг осознал, что на самом деле грустил от того, что утерял это состояние и все силы прикладывал к тому, чтобы return. Говоря по правде, силы были приложены к тому, чтобы «максимально усложнить свою жизнь» (как сказал герой Харрисона Форда в одном фильме). Я думал, что никогда больше не потеряю невесомости, но она исчезла! И теперь у меня другая игрушка – вылезание из колодца невежества. Мои бывшие братья по ашраму, наверное, махнули бы на меня рукой – в их глазах я деградант, типа вернулся в материальный мир. А мне хорошо! Все это понимание, думаю, приходит с опытом. В мире столько красоты, но она как бы сокрыта от тех, у кого есть принципы или внутренние запреты в голове... *сейчас здесь*

«сейчас» ²¹ ²²

Кстати, по поводу красоты. Юра посоветовал мне, в каких районах города лучше гулять, и где больше всего интересных домов. Когда он описывал дома дореволюционной постройки, создавалось впечатление, что он говорит о какой-то прекрасной женщине, а не о бездушном здании. «На самом деле дома живые, каждый из них имеет душу, и у каждого своя история, которая тесно переплетается с судьбой его хозяина.

---

²¹ В данном контексте: вернуться.

²² Харрисон Форд – американский актёр кино и телевидения, продюсер.

Я мечтал строить красивые дома, как и мой отец, – уникальные и живые, но не сложилось. Общество требует «стекла и бетона», стандартных «муравейников». Короче, как только я это понял, ушел из профессии. Быть архитектором и работать по госзаказу или плану застройки, исключая всякое творчество – это не для меня! Да ну на фиг... Лучше я буду ночами стоять за ди-джейским пультом, создавая настроение людям, и просто время от времени довольствоваться рассматриванием старинных фасадов, никому ничего не доказывая. Как-то так...», – вздохнул он. И я подумал, что нас с ним объединяет разочарование.

***

На выходных, воодушевлённый его рассказами, я бродил по старым улицам города, стараясь прочувствовать энергетику каждого понравившегося мне дома и представляя, кто мог жить там раньше. Эта игра ума меня увлекала. Я мог передвигаться по городу спокойно. Прохожие от меня больше не шарахались – я уже не носил монашескую одежду и поэтому выглядел, как обычный парень, в джинсах и футболке. Во время одной из таких прогулок я встретил Лилит.

Я остановился около старинного дома с лепным декором и покатой крышей. Дом был в аварийном состоянии, с обвалившейся местами штукатуркой, но всё равно сохранивший намёк на былую роскошь. Возле бывшего парадного входа

стояла девушка и с отрешённым взглядом гладила тонкими пальцами мемориальную доску на фасаде. Настолько худую девушку я видел впервые. Она была похожа на фарфоровую статуэтку и казалась невесомой и беззащитной. Она плакала. Я не знал, что делать и как себя вести. Я хотел сначала развернуться и уйти, но девушка меня заметила. Вытерев слезы, она неожиданно заговорила со мной первая: «В этом доме когда-то очень давно жила известная советская балерина Фея Балабина. Её настоящее имя было Феона, но она называла себя Феей и часто в спектаклях ей доставались роли фей. Я – Лилит, и это не моё настоящее имя. И у меня уже никогда не будет никаких ролей...», – и она снова заплакала, но уже беззвучно. Я не знал, что ей ответить и как её успокоить, но понял, что она, скорее всего, тоже балерина и по какой-то причине больше не может танцевать.

– Ты часто сюда приходишь? Раньше я тебя здесь никогда не видела, – спросила девушка, сразу перейдя на «ты» и обращаясь ко мне, как к старому знакомому.

– Я здесь впервые, я вообще не местный, – ответил я.

Она больше не плакала и производила впечатление спокойной. Видимо, ей не хватало общения, потому что она тут же засыпала меня вопросами о том, откуда я, как меня зовут и люблю ли я балет. Я успел только назвать свое мирское имя, как она снова спросила:

– А ты любишь гулять пешком? Гулять очень полезно, особенно если много. Физическая нагрузка сжигает лишние

калории. Если мы с тобой пойдем вверх по этой же улице несколько кварталов, то ты сможешь увидеть больше красивых зданий! А там ещё моё любимое место есть, в одном до-революционном особняке.

Я мог промолчать или сразу же отказаться от этой безумной прогулки со странной девушкой под каким-нибудь благовидным предлогом, или просто развернуться и уйти, ничего не объясняя. Но я остался...

Мы шли по тротуару на расстоянии друг от друга, изредка останавливаясь, чтобы посмотреть на дома. Говорила в основном она, как одержимая, будто бы я был единственным, с кем она могла и хотела разговаривать. А может, так оно и действительно было. Мне казалось, что эта необычная девушка нуждается в любви, понимании и доверии ещё больше, чем я. И мне было весьма странно осознавать этот факт. Что касается доверия, у меня те же проблемы. Я всегда думал, что получить в собственность кого-либо имеет право лишь тот, кто сам себя отдаёт. Я пытался доверять людям, но, видимо, так много грешил в прошлых жизнях, что меня постоянно предавали. И странно, но потом я стал видеть в этом даже удовольствие. Я чувствовал радостное одиночество. Люди меня сковывали. Хотя я и люблю общение, я, по всей видимости, не умею общаться. Я не настоящий атмарама. Где та грань нежности и правды? ²³

---

²³ Здесь: человек, поглощённый только внутренней деятельностью, потому что у него пробуждены духовные чувства.

Я думал, что стою посередине верёвочного моста, который вот-вот подожгут с обоих концов, но Лилит находилась уже там, в пропасти, или где-то на грани... Я понял, что она больна не только физически, но и психически, и что в её жизни произошло что-то такое важное, какая-то точка невозврата, по сравнению с которой все мои внутренние переживания и метания – сущие пустяки. И я хотел избавить её от слёз, болезни и страданий. Просто находиться рядом и слушать, и пытаться понять. Потому что я знал: когда люди от тебя отворачиваются и ты остаёшься один в этой Вселенной, со своими тараканами в голове, с внутренним опустошением и непониманием окружающих, может случиться страшное. Из двух утопающих первым спасают того, кто нырнул глубже. Из нас двоих ближе ко дну бескрайнего моря безумия была Лилит, и протянуть ей руку мог только я...

Пройдя кварталов пять или шесть, мы оказались у дверей трехэтажного особняка с коваными воротами и большими арочными окнами.

– Это доходный дом С. Л. Рувинского. Этому зданию больше 100 лет, и когда-то здесь на первом этаже размещались частные музыкальные курсы, а сейчас – чайный клуб «Апсара». Это было моё самое любимое место в городе и я ходила сюда часто с подружками. Я всегда любила общество, танцевальную студию, посещать кафе и театры. Но это раньше. Уже ничего не люблю... В моём окружении не осталось прежних людей, они как-то незаметно отвернулись и потеря-

лись, – она снова была готова расплакаться. Неожиданно для себя я взял её за руку, открыл массивную старинную дверь и уверенно сказал:

– Ты должна сюда войти и вновь полюбить это место! Знаешь, есть такая фраза: времена и люди меняются, но мы остаёмся. И если это место, то ты никуда не исчезнешь, ты есть и *. твоё здесь сейчас*

Её ладонь была хрупкой, холодной и почти безжизненной, но мне показалось, что она чуть сжала мою руку – это означало первый шаг на пути к доверию.

Внутри мне очень понравилось – фоном играла этническая музыка, горели свечи и благовония, и всё было оформлено в восточном стиле: бумажные фонарики, бамбуковые шторы и циновки на полу, мягкий струящийся свет, удобные кресла и диваны из ротанга, антикварная деревянная мебель и большие японские или китайские веера на стенах. Здешняя обстановка располагала к уединённому отдыху и даже погружению в медитативное состояние. Увидев, что я в восторге, Лилит сразу ожила и повела меня к своему любимому столику.

Мы пили травяной чай, заказывать какие-то сладости она отказалась, но очень долго рассматривала фото десертов в меню, как будто пытаюсь съесть эти пирожные глазами. Я когда-то давно читал про расстройства пищевого поведения, которые могли перейти в психическое заболевание. По-видимому, девушка страдала чем-то таким. Я не знал, насколько

ко опасна эта болезнь для неё самой или даже для окружающих, но понял, что причина именно в этом – из-за болезни она потеряла друзей и работу по профессии. Я смотрел в её серые глаза и мне казалось, что в них сосредоточены страдания всего мира – настолько несчастной она выглядела. Лилит была чуть старше меня, но своей детскостью и беззащитностью напоминала маленького беспомощного котёнка, который ещё не открыл глаза и вообще не знал, «как жить эту жизнь».

– Кстати, я бывший брахмачари, но до сих пор соблюдаю монашеский образ жизни, – вдруг сказал я, решив, что должен сообщить о себе всю правду. – Ещё я не имею никакой собственности, живу в душевой ночного клуба, верю в Учение своего Учителя и несколько лет провел в секте, – признавшись во всём этом, я чувствовал себя так же, как наркоман или алкоголик представляется на анонимном собрании.

– А я бывшая балерина. У меня нервная анорексия, депрессия и было две попытки суицида, и меня пытались лечить от шизофрении, которой у меня не было. Иногда я «зависаю», у меня может случиться похожий на эпилепсию припадок, истерика или дезориентация в пространстве. Может это из-за таблеток, которые я пью. Ещё я подрабатывала танцовщицей go-гов клубах, регулярно хожу на сеансы психотерапии и до сих пор живу с родителями, – произнесла она, и мне показалось, что в этот момент ей даже стало как-то легче. – Я давно ни с кем так не разговаривала, кроме врачей,

и тем более – с мужчиной. Но в тебе нет мужской животной энергетике, ты какой-то не от мира сего. Ты не смотришь на меня, как мужчины обычно смотрят на женщин, и я это сразу почувствовала. Ты единственный, кто меня выслушал и ничего не сказал плохого в ответ. ^{24 25}

– Ты тоже не сказала ничего плохого о моём Учителе, хотя во всех новостях только и говорят об этом. Но на самом деле мой Учитель ни в чём не виноват, – ответил я.

– Хорошие и блаженные люди всегда страдают, я так думаю. Когда я поняла, что в мире нет справедливости и жить не ради чего, когда болезнь забирает твою мечту, я хотела уйти из этой жизни. Но у меня даже это не получилось... Знаешь, был такой философ – Эрих Фромм, так вот он считал, что «самоубийство – это наивысшее извращение жизни», – Лилит вздохнула и на её глазах выступили слёзы. ²⁶

– Ты всё равно не сможешь умереть, а будешь рождаться заново, по закону кармы. Твое незрелое сознание довело тебя до этого ужаса. И он, поверь мне, страшнее ада. Там, в аду,

---

²⁴ Психическое расстройство, характеризующееся неприятием пациентом своего телесного образа и выраженным стремлением к его коррекции при помощи ограничений в приеме пищи, создания препятствий для ее усвоения или стимулирования метаболизма.

²⁵ Гоу-гоу – стиль танца, предназначенный для развлечения посетителей дискотек и других развлекательных мероприятий.

²⁶ Эрих Зелигманн Фромм – немецкий социолог, философ, социальный психолог, психоаналитик, представитель Франкфуртской школы, один из основателей неофрейдизма и фрейдомарксизма.

мучаются и надеются. А в твоём случае надежды нет. Отчего ж так? Ты возомнишь себя владелицей тела и упорно будешь его уничтожать, глупо рассчитывая таким образом покончить со страданиями. Ты лишишься тела и всё, что у тебя останется, – это ужас самого страха в чистом виде. Тебе негде будет забыться без тела. Я знаю, что говорю. Ты начнёшь восстанавливаться, когда сможешь победить свой страх, изменить эту жизнь. Изменить в том теле, в котором ты сейчас находишься. Может, у тебя даже появится интерес к жизни и возможность снова заниматься балетом – и это будет гораздо выше всего прежнего. Пожалуйста, не пей так много таблеток! Они мешают тебе быть собой, одурманивая сознание! Лучше займись медитацией, погрузись в свой внутренний поток, почувствуй настоящую себя. Только не думай, что я тебе сейчас проповедую или что-то навязываю. Совсем нет. Я просто хочу тебе помочь, искренне. Для меня ты как живое существо, заблудившееся в дебрях Сансары и терзаемое изнутри и снаружи всякими демонами. Но весь фокус в том, что победить этих демонов можешь только ты сама! Никто другой за тебя этого не сделает! Нельзя прожить жизнь за другого человека или поменяться кармой, – объяснил я.^{27 28}

Лилит внимательно следила за моей речью, а потом снова

---

²⁷ Закон причинно-следственной связи в восточных религиях.

²⁸ Круговорот рождения и смерти в мирах, ограниченных кармой, одно из основных понятий в индийской философии.

тяжело вздохнула, как бы оправдываясь этим своим вздохом.

– Общество устроено очень странно. Если у человека большое сердце или желудок и он принимает таблетки, то это считается вполне естественным и разумным решением. Но если у человека болит душа и он начинает пить антидепрессанты или какие-то другие психотропные препараты, то все вокруг реагируют так, будто бы он какой-то прокажённый и не достоин находиться с ними в одной комнате, – сказала она.

Я поймал себя на мысли, что вынужден с ней согласиться – всё было именно так.

– Кстати, как твое настоящее имя? – спросил я.

Она назвала мне свое имя, и мне оно понравилось гораздо больше, потому что соответствовало имени сказочной героини, а не демоницы.²⁹

– Знаешь, когда я была маленькой девочкой, то идеалом красоты для меня стал образ одной принцессы из сказки, у которой кожа белая, как снег; волосы чёрные, как крыло ворона; губы алые, как следы крови на этом снегу. Когда мне пришлось подрабатывать на подтанцовке в клубах, я создавала себе именно такой образ, даже парик надевала чёрный. А сейчас этот образ забыт, он перестает меня вдохновлять, но творческий псевдоним Лилит остался. Может быть потому, что давно умерла... *балерина- (моё настоящее имя)*

---

²⁹ Лилит – демоница в еврейской мифологии. Согласно каббалистической теории, Лилит – первая жена Адама.

– Приходи завтра вечером к нам в клуб, – предложил я. – Я договорюсь, чтобы тебя пропустили.

– Не надо. В смысле, что договариваться не надо – меня там помнят. В прошлой жизни я часто там бывала. Знаешь, по твоей логике получается, что моя терапия – бывать в тех местах, которые я любила раньше.

– Возможно. Так есть вероятность вновь собрать себя по кусочкам, – и я впервые улыбнулся.

– А в чём тогда твоя личная терапия? – спросила она, тем самым поставив меня в тупик.

– Наверное, понять «состояние перехода». Монах, живущий вне монастыря, – это как призрак, существующий в материальном мире среди живых людей. Мне надо определиться, на какой стороне я хочу быть, – сказал я и задумался над своими же словами.

Действительно, не зря говорят, что каждый в этом мире – Учитель, и каждый – ученик. Мы все постоянно меняемся ролями в зависимости от обстоятельств. Мы с Лилит как будто стояли над большой пропастью, но на разных берегах обрыва. И у каждого из нас был выбор – прыгнуть вниз или протянуть друг другу руки, проложить невидимый спасительный мост, как параллель между двумя мирами моего и её одиночества.

Глава 3

Этим вечером в клубе было не так много народа, как по пятницам или выходным. За ди-джейским пультом стоял Юра. Я уже выполнил свою основную часть работы и сидел за барной стойкой, слушая его сет. Мне очень нравилась музыка, которую он играл. В этом мелодичном техно иногда появлялись жёсткие биты и казалось, что эта музыка заставляет сердце биться быстрее и имеет какой-то медитативный эффект. И это на самом деле было здорово! Время перевалило за полночь, и я понял, что сегодня Лилит не придёт. Но, быть может, это и к лучшему.³⁰

Мне вообще было сложно объяснить самому себе, почему я продолжал думать о ней после нашей встречи и прокручивал в памяти всё, что она говорила. Я не смотрел на неё, как на женщину, точнее, она была для меня чем-то большим – заблудшей душой, которую нужно было спасти. Моё желание не имело никакого сексуального подтекста, оно исходило именно из глубины моей души и являлось Практикой Безграничного Сострадания. Лилит не оставила мне номер своего телефона и я не знал, где искать эту странную, не похожую на других девушку, но почему-то был уверен, что рано или поздно она сама меня найдет. Я ей верил, ведь она обе-

---

³⁰ Сет – это выступление ди-джея. Как правило, сет длится 1 час и более.

щала придти...

***

Когда работа заканчивалась и клуб был абсолютно пустым, а всё оборудование отключено и разобрано, я возвращался в свою комнату, принимал душ и садился за ноутбук, продолжая вести свой электронный дневник. Обычно я просто описывал свою жизнь – события настоящего времени или воспоминания о пребывании в ашраме. Как и Лилит, я нуждался в общении, но мне было проще излить свою душу компьютеру – он заменял мне психотерапевта. Возможно, все эти записи-откровения-воспоминания помогали мне разобраться в себе и проследить путь трансформации. Личность зреет с годами, поэтому совершать ошибки – это естественно.

На жизнь человека влияют 3 вещи: рождение, воспитание и общение. Несмотря на то, что в прошлом мы наделали всяких глупостей или получили дурное воспитание, мы можем изменить свою жизнь через общение с Учителем. Я был уверен, что если уйду жить в ашрам и буду постоянно находиться среди других брахмачари – братьев по вере, это изменит моё сознание и мою жизнь, а моё сердце станет мягче. У меня развилось такое сильное желание стать брахмачари, что я не могу описать словами. Я уже говорил, что меня часто предавали, и мир повернулся ко мне не самой лучшей сво-

ей частью. Мне не удалось достичь понимания с близкими людьми, я никому не был нужен и чувствовал себя ничтожеством, не заслуживающим любви. Но с приходом в ашрам всё изменилось: нигде мне так не были рады, и нигде я не чувствовал себя таким полезным. Родители по-прежнему требовали, чтобы я оставил, по их мнению, опасную секту.

В те годы я встретил столько сильных, целеустремлённых личностей, которые под руководством Учителя бескорыстно стремились к помощи людям. Я был уверен, что Учитель и есть та единственная душа, которая действительно способна спасти подобных мне. Учение, которое он дал, могло сделать людей богами и святыми, и оно, несомненно, подтверждало и превосходило современные научные знания. У Учителя была особая миссия – воспитать новую расу людей, обладающих другой энергетикой, сверхъестественными способностями и зрелым сознанием. Наш ашрам назывался «Место Пути», и считалось, что есть духовный Путь длиной в жизнь, и есть Место – особая точка, в которой ты на какое-то время останавливаешься для познания этого Пути, и точка эта отгорожена от мира стенами ашрама. Если ты начал однажды практику Пути, её невозможно прервать. Если кто-то уходил из секты, на пластинке его духовной жизни просто нажималась пауза. Сколько бы человек ни находился в состоянии паузы, рано или поздно он всё равно бы продолжил практику Учения – не важно, монахом или мирянином, в секте или сам по себе. Истина в том, что нельзя анну-

лизовать полученные посвящения и вернуться в своё прежнее состояние. Нет, ты уже никогда не станешь таким, как прежде – ты будешь другим! Те, кто жили в ашраме с самого начала его возникновения, были близки к таинству Учения. В то время, как другие люди стремились к славе, сексу и деньгам, мы пребывали в поисках внутреннего Ясного света, находили прибежище в безмолвии и держали истину в своих ладонях – в виде книг нашего Учителя.³¹

Учитель пришел на эту Землю, чтобы помочь нам подняться вверх, развить свою душу до такого состояния, когда целью и смыслом жизни становится не своё «Я», не свои личные страдания и проблемы, а стремление познать страдания и проблемы других людей, помочь им понять суть страданий, освободиться, направить их по Пути Учения. Это был трудный и сложный Путь победы над собой, ведущий нас к Абсолютной Свободе, Абсолютному Счастью и Абсолютной Радости. Считалось, что чем больше людей ты приведешь к спасению, тем лучше. Учитель говорил, что каждый человек, следовавший Учению, получит энергетическое освобождение и просветление души. А быть брахмачари – это миссия Спасителя, и в этом плане само понимание «брахмачари» сильно отличалось от традиционного, принятого в индуизме.

В ашраме мы соблюдали определенные заповеди, очень

---

³¹ Описанная в романе религиозная секта не существует в реальности и полностью придумана автором, как некий собирательный образ.

много времени уделяли медитации и чтению книг Учителя, пищу принимали один-два раза в день, а спали не больше пяти часов. Не все выдерживали такую практику, некоторые сильно «впадали в подсознание», то есть немного сходили с ума, становились абсолютно неадекватными. Хотя мне кажется, что у этих людей проблемы с психикой были изначально, ещё до вступления в секту. Кстати, по официальному утверждению, нашим Учителем разработаны особые методы, с помощью которых можно было не только определить, является ли человек святым или нет, но и вычислить его уровень «просветления». Для этих целей использовали диагностику на кроуноскопе (аппарате, позволяющем сделать снимок ауры) и специальном астральном проекторе, электроэнцефалографию головного мозга и особые практики. Считалось, что у адепта, достигшего окончательного Освобождения, мозговые волны должны вообще отсутствовать, а у святых – быть плавными и гармоничными. Свой ум мы успокаивали йогическими и медитативными практиками. Высшим посвящением было получить энергию непосредственно от Учителя. Передача могла происходить через взгляд, касание, мысль или произнесение мантры. По ощущениям это было похоже на инъекцию энергии, которую ты воспринимаешь, как внезапное озарение, инсайт. Эта передача энергии являлась исцеляющей для ума и тела. Считается, что она основана на теории квантовой запутанности – явлении из сферы квантовой механики субатомной плоскости. Про-

стыми словами, это вера в то, что связь между двумя объектами, которые находятся на расстоянии, существует, и осуществляется она неизвестными каналами. Учёные считают, что человеческий мозг выступает в роли одной частицы, соединённой с другой частицей (мозгом другого человека). Результат такого посвящения зависел от того, насколько ментально подготовлен человек – получить настоящее просветление было дано далеко не каждому.

Все, кто становился брахмачари, должны были жертвовать – как утверждалось, не для секты, а для себя самого, поскольку мы жили в ашраме. Учение состояло из нескольких уровней доступа с практиками разной сложности, и это стоило денег. Считалось, что знания нельзя передавать бесплатно. Сумма пожертвований не указывалась – ты мог дать 100 рублей или пожертвовать свою квартиру, или же, если денег совсем не было, – работать на благо секты. Всё по возможности и твоему личному желанию. Но для мирян – женщин и мужчин, которые состояли в секте, была фиксированная оплата за каждую ступень обучения.

Сначала всё было хорошо. Я чувствовал себя нужным, счастливым и внутренне свободным, не замечая каких-то мелких «звоночков». А потом вдруг однажды пелена спала с моих глаз: я услышал откровенный разговор других лидеров секты (в «Месте Пути» была своя жёсткая иерархия) о деньгах, о дележе недвижимости, о том, что «Учителя надо заменить». Это стало для меня шоком. Буквально на следу-

ющий день началась вся эпопея с проверками, арестами, погромом нескольких филиалов секты и судебным процессом над Учителем, но вдаваться в подробности мне не хочется.

Я разочаровался в секте, точнее, в её структуре, но не в самом Учителе и Учении. История богата примерами, когда стайка каких-то паршивых людей портит идеальную систему, и мне казалось, что это именно такой случай. Я понимал, что в секту я больше не вернусь, так как не смогу разделять взгляды нового лидера, который, в отличие от бывшего блаженного и по-настоящему святого Учителя, был просто дельцом от религии, и его целью было не спасение людей, а набивание своего собственного кошелька. Тем, кто был готов остаться, этот псевдо-гуру обещал переход на новый уровень и прочие «ништяки», умело воздействуя на их самость, гордыню, то есть превознося над всеми остальными и объявляя «избранными». Тех, кто решил уйти, обвиняли в вероотступничестве и грозили расправой в случае обнаружения реальной внутренней политики секты. Я был брахмачари 5 лет и понял, что дальше в этом ашраме не будет никакого продвижения, и лучше я не стану. Стать «избранным» такой ценой я не хотел, для меня это был шаг назад, то есть деградация.

Я где-то слышал, что в секте люди не взрослеют психологически и человек выходит из общины в том же возрасте, в каком туда попал. И все его знания не имеют никакого значения в настоящей жизни и могут быть полезны только

внутри секты, но не за её пределами. Возможно, это зависит от конкретной организации. Я не люблю слово «секта», поскольку оно связано в сознании людей с негативом, зомбированием адептов и даже террористической деятельностью. Хотя вообще «секта» – это ответвление от основного учения, отделившаяся группа. Например, в японском буддизме около 8000 различных сект, то есть ответвлений, и это считается нормальным. Организация, которой я отдал 5 лет жизни и свое имущество, воспринималась мной именно как современное ответвление одной из традиционных мировых религий, и тогда я верил, что смогу достичь успехов в практике только с этим Учителем и в этом ашраме. «Место Пути» было моим домом на протяжении нескольких лет, но, наверное, любой птенец рано или поздно покидает свое гнездо и улетает в самостоятельный путь. Кто-то летит вверх, а кто-то разбивается о землю. Я хотел лететь дальше. И я хотел помогать другим, как наставлял меня Учитель. Начиная в этом мире деятельность по спасению душ, имеющих со мной глубокие духовные кармические связи, я должен был почувствовать в своём роде успокоение, словно я – птица. Учитель говорил, что нужно расправить крылья Свободы, и что всё есть Свобода, в то время как экзистенциальный философ Жан-Поль Сартр был убежден, что «настоящая свобода начинается по ту сторону отчаяния».

Отрицание и Отрешение – одни из ступеней на пути к Свободе, потому что они ведут к раскрепощению души.

В любой духовной практике однажды наступает момент, когда человек думает, что ему лучше оставить свою обычную жизнь в обществе – если не насовсем, то хотя бы на время, и уединиться от своих родителей и друзей. Это происходит потому, что к этому времени мир, который видит и чувствует человек, достигший определенных успехов в духовной практике, отличается от мира обычных людей. Расхождения появляются не только в образе мышления, но и на бытовом уровне, и поэтому бывает достаточно трудно приспособиться к обычной прежней жизни. Если эти проблемы во взаимоотношениях с обществом будут накапливаться, есть опасность возникновения душевного расстройства. Человек будет всячески сторониться людей, чтобы избежать лишних вопросов в свой адрес или разочарования. В этот период необходимо отдалиться, пожить немного жизнью отшельника, чтобы собраться с мыслями и понять, что делать дальше – оставаться брахмачари и затем переходить в постоянное монашество, или же вести мирской образ жизни, пытаясь при этом всё же не уклоняться от духовной практики.

***

И вот теперь я монах, живущий и работающий в ночном клубе «SVOBODA/EXISTENCE». Нонсенс? Не думаю. Когда человеку кажется, что в его жизни всё идёт наперекосяк – это может значить, что в его жизнь, наоборот, пытаются вой-

ти нечто чудесное. Просто моё очередное Место Пути теперь здесь.

События моей сегодняшней жизни плавны, быстротечны и, главное, многозначны. Казалось бы, что у одной и той же вещи имеется множество вариантов, другие стороны, несколько изнанок даже, я бы сказал. С одной стороны, жить в мире, где происходят подобные события, чрезвычайно интересно. А с другой – довольно-таки банально и скучно, потому что понимаешь – от этого ничего не меняется. Это как в старом кинофильме Федерико Феллини (не помню названия). А впрочем, все его фильмы похожи один на другой, и как-то сложно с первого раза досмотреть картину до конца.³²

По-настоящему близок и дорог мне только один человек – мой Учитель, остальные слишком заняты собственными демонами. Паломников «у врат зари», в смысле – моих бывших братьев по вере, я давно не видел. Вероятно, мы в разных континуумах, а по-настоящему мыслящие встречаются редко. Больше болтающих с самими собой... По правде сказать, поговорить с посетителями этого клуба мне было бы гораздо интереснее, чем с садху. Может, потому что ум у них больше не омрачен плановостью и страхами (и вообще я не очень доверяю «садху с детства»). Считаю, что, есть прекращение «состояния брахмачари» и переход в думающее состояние.

---

³² Итальянский кинорежиссёр и сценарист. Обладатель пяти премий «Оскар» и «Золотой пальмовой ветви» Каннского кинофестиваля.

Именно об этом переходе я говорил Лилит. Кстати, сколько же дней прошло с момента нашей встречи? ³³ *нет падения*

Когда-то давно Учитель передал мне Практику Призывания Родственной Души, но я никогда ей не пользовался по назначению. Смысл был в том, что в момент глубокой медитации ты настраиваешься на вибрации определенного человека и как бы подключаешься к его тонкому телу, и тем самым призываешь в свою реальную жизнь. Считается, что после этой практики нужный человек появится в течение ближайших трёх дней. Я решил попробовать.

***

По уже сложившейся традиции я сидел в баре и слушал игру Юры, клубная программа подходила к концу. Моя практика сработала, правда, странным образом. Записку от Лилит мне передал Стася, а ему, в свою очередь, отдал охранник на входе.

«Привет! Извини, что я тогда не пришла. Я просто испугалась... Я стояла буквально на пороге клуба и боялась сделать шаг вперёд. Может, я пока ещё не готова к такой терапии и не могу возвращаться к нормальной жизни, потому что не верю в успех, и что всё будет снова хорошо? Как ты думаешь? Если это возможно, я хочу прийти в клуб, ко-

---

³³ Здесь: святой.

гда никого не будет, днём. Чтобы снова посмотреть на эту красную лестницу, на стены (там, кстати, где-то наверняка висит и моя фотография среди бывших близких мне людей). Я не могу пока что находиться там, где меня знали раньше... Сразу осуждающие взгляды или унижение, жalousть... Я просто всё это уже проходила, к сожалению. Люди, которые казались мне близкими друзьями, смотрят и либо в ужасе отводят глаза, либо делают вид, что ничего не произошло, но потом я слышу их разговоры между собой, что я шизофреничка и сбежала из клиники... Это очень больно... Слова обладают силой, которая может разрушать. Внутренние чувства находят выражение во внешности, телесности. Мы живём в мире, где тело важнее, чем душа. И когда говорят что-то плохое о твоём теле, на самом деле убивают душу. Тело – лишь прикрытие, за которое мы цепляемся. Позвони мне! Поговори со мной! Позови меня!»

Перечитав её послание, написанное корявым почерком, несколько раз, я видел только одну фразу: «Спаси меня!», хотя таких слов в письме не было. Сделав Юре знак, что отлучусь на время, я вернулся в свою комнату, чтобы позвонить Лилит. Было почти 5 часов утра, но я решил, что откладывать нельзя. Мой голос почему-то дрожал. Может быть, я боялся, что она умерла? Но она ответила сразу же.

Голос её казался уставшим и безжизненным, но когда она поняла, кто звонит, то как-то сразу воодушевилась, по край-

ней мере, так мне хотелось думать. Мы проговорили минут десять, и я пообещал, что позвоню ей днём, и что сейчас мне нужно закончить работу, а ей – постараться уснуть. Внутренние демоны отчаяния меня больше не терзали. Я знал, что завтра (вернее, уже сегодня) я точно увижу Лилит. Мне казалось, что на самом деле у нас с ней много общего, но объединяющие нас вещи – не на поверхности, а где-то в глубине наших душ. Почему так – не знаю. Просто чувствовал это. Так же, как чувствовал: увижу её, поговорю с ней – и всё изменится. Что именно изменится, я тоже не знал.

Когда вечеринка закончилась и все разошлись, я закрыл двери клуба изнутри и стал бродить вдоль стен, пытаюсь отыскать фото, о котором говорила Лилит. Я не сразу её узнал, она была другой – живой, с блеском в глазах. В ней чувствовалась энергия жизни, сейчас полностью утраченная. Она стояла в окружении подруг и была самой эффектной на их фоне и уверенной в себе. Возможно, эту уверенность ей придавало балетное воспитание или бокал шампанского, который она держала в руке, но, вне всяких сомнений, на той фотографии она была. Моей миссией стало вернуть Лилит в её прежнее до болезненное состояние. Подобные люди просто так на Пути не встречаются. Мы с ней были связаны особыми кармическими узелками и, возможно, спасая её, я спасал таким образом и самого себя. *«балериной- (её настоящее имя)»*

Брахмачари всякие бывают. Есть «пламенные бор-

цы» (почти плазменные), есть «угомонившиеся» и есть отступники. А проповедовать и насаждать свою веру, как говорится, не сложно. Видеть бы в человеке «желающего счастья», то есть дживу. Тогда никаких омерзительно-презрительных «покайтесь, а не то переродитесь карликами и троллями», не будет. Мой Учитель говорил, что каждый человек в нашей жизни и каждая ситуация так же являются для нас Учителем и могут быть использованы для постижения Учения и обретения Просветления. Я думаю, что у нас с Лилит было чему поучиться друг у друга, несмотря на то, что мы такие разные. Брахмачари сексуально ограничен (даже мысленно), но зато имеет глоток трансцендентности и в идеале должен уметь либо сублимировать свои желания, либо вообще не принимать их во внимание. По причине отсутствия обязательств танцовщица, наоборот, воплощает аспект свободы, связанный с возможностью совершения действий, направленных на соблазнение мужчин, но за это не имеет свободы от обязательств (я имею ввиду, что мужчины, которые смотрели go-go шоу, расценивали её поведение абсолютно однозначно и всеми способами навязывали своё общение). Но ...я был . И она тоже была . И оба мы могли стать зависимыми друг от друга в дальнейшем общении, и при этом каждый из нас – глубоко зависимым от собственных демонов (аскетизм и причастность к Учению – у меня, и погружение в болезнь и нежелание вытащить себя из цепких рук

депрессии – у неё). ³⁴ *другой другая*

Но какова вероятность, что нам под силу «вернуть друг другу нас прежних»? Быть может, это ещё один миф? Радикальные перемены в психике сами по себе не происходят. Здоровье и психику уже не вернуть. Ни я, ни она никогда не станем прежними. Лилит, например, может уйти в ремиссию, но полностью от своих проблем с головой на фоне нездоровых отношений с едой ей не избавиться уже никогда. Так же я понимал, что тот, кто однажды оказался в секте, навсегда останется человеком, побывавшим в секте. И кто однажды пережил серьёзное расстройство пищевого поведения, граничащее, возможно, с другим психическим заболеванием, так же навсегда останется человеком с нервной анорексией и суицидальными попытками в анамнезе. Я был зависим от идеологии и харизматической личности Учителя. У Лилит пищевое расстройство стягивало на себя всё внимание, уводя на второй план остальные части её личности. Созависимые люди – это те, кто патологически привязаны к зависимому. Это мы друг для друга... Как я уже говорил, нас связывали особые кармические узелки, и наша встреча и дальнейшее общение или отношения – это уже не мой или её выбор, а выбор Высших сил. Наши с ней Пути пересеклись в одном Месте, но никто не знает, что ждёт нас дальше.

---

³⁴ Джива – понятие в индийской религиозно-философской традиции, обозначающее духовное, вечное живое существо, отдельную душу.

Глава 4

Я спросил у Юры, можно ли пригласить в клуб знакомую, чтобы она пришла чуть раньше, до начала вечеринки.

– Вообще без проблем! Лишь бы она твоей работе не мешала, нужно всё успеть подключить – сегодня у нас будет несколько ди-джеев выступать, помимо меня. На самом деле уже все в курсе про твою странную девушку: охранник рассказал Стасе, ну а он – мне, – Юра улыбнулся. – Я сразу понял, о ком речь. Раньше она у нас часто бывала, но года два точно не появлялась.

Юра не стал спрашивать подробности, равно как и посвящать меня в какие-то слухи, касающиеся Лилит, и за это я был ему благодарен. Чтобы вы понимали, Лилит действительно внешне выглядела не совсем адекватной, то есть она могла казаться вполне нормальной, а потом вдруг неожиданно заплакать или «зависнуть», погрузившись в себя и не реагируя на происходящее вокруг, или, наоборот, болтать взахлёб, без остановки, как одержимая. Надо ли говорить, что на людей она производила странное впечатление, а её крайняя худоба пугала ещё больше. И в этом мы с ней были похожи – когда я выходил из ашрама, облачённый в монашескую одежду, характерную для членов нашей секты, люди тоже сторонились меня, как прокажённого или умалишённого. В своём роде и я, и Лилит на собственном опыте ощутили,

что значит быть изгоем общества, не таким, как все.

Сейчас я уже немного освоился в обычном мире и люди меня не пугали, но для Лилит быть в центре внимания всё ещё оставалось проблемой, ей требовалось время для принятия себя и понимания своего места в обществе. А пока что она чувствовала себя маленьким беспомощным котёнком, оказавшимся внутри стаи бродячих собак, и не была готова посмотреть в глаза своему страху.

Я позвонил ей и сообщил, что буду ждать её на входе в клуб в 18.00, и в этот раз она пришла.

– Знаешь, я сожгла все свои старые фото, – сразу же сказала она. – Покажи, где я? Покажи мне прежнюю меня, пожалуйста.

Я понял, что она хотела увидеть своё фото с бывшими подругами на стене клуба. Лилит очень долго разглядывала снимок и потом вдруг неожиданно спросила:

– Как ты думаешь, куда делось моё счастье?

– Оно так же внутри тебя. Всё внутри нас самих! Тебе нужно просто найти себя, понимаешь? Однажды ты себя потеряла, и теперь придётся собирать себя заново, по кусочкам. Но у тебя обязательно получится!

– Ты правда так думаешь?

– Я в этом уверен!

Потом Лилит некоторое время ходила по клубу от стены к стене и от столика к столику, изредка прикасаясь пальцами к каким-то вещам и как будто что-то вспоминая. Мне пока-

залось, что на мгновение её лицо даже озарила улыбка.

– Скоро откроется бар и мне тоже нужно будет работать. Если хочешь, можешь подождать здесь или у меня в комнате, – предложил я ей.

Лилит сказала, что останется в чилл-аут зоне, чтобы никому не мешать.

Когда я начал свою работу, пришли Паша и Саша. Обычно они сами ставили нужную музыку, которая играла фоном до начала клубной программы. В этот вечер посетителей в баре почти не было, но Паша сказал, что ближе к ночи будет ажиотаж и выступление сразу пяти ди-джеев. Закончив подключение оборудования на сцене, я пошёл в соседний зал, чтобы проверить, как там Лилит, и очень удивился, увидев её спящей. Свернувшись клубочком, она уснула на диванчике в зоне чилл-аута, будить её я не решился и просто сел напротив в ожидании, когда она проснётся. На самом деле даже если бы сейчас пришли посетители и обнаружили здесь спящую Лилит, то никто бы не удивился. Обычно можно было встретить уставших клубберов, которые прилегли отдохнуть, но под утро.

Вообще в чилл-аут зоне иногда собирались странные люди. Я нередко видел здесь одну девушку, которая сидела всю ночь перед раскрытым ноутбуком и набирала какой-то текст в такт музыке. Причём ни люди, ни шум её не отвлекали, а, наоборот, казалось, способствовали эффективной работе. Ребята из бара сказали мне, что это известная писательни-

ца, и она приезжает сюда в поисках вдохновения. «Она даже проводила у нас в клубе презентацию своей книги, потому что в её романе тоже говорилось о музыке и о свободе, – пояснил Саша. – Она каждый раз пьёт грейпфрутовый сок со льдом и просит, чтобы её никто не трогал. Она ищет уединение в стенах ночного клуба, и это по меньшей мере забавно. Но, наверное, все писатели немного чокнутые. У неё ещё какие-то общие друзья с Юрой». Вспоминая об этом, я и сам не заметил, что прошло уже достаточно времени. Лилит проснулась и сказала, что готова сегодня сделать еще один шаг в прошлое и остаться в клубе, но ненадолго. Я отвёл её в бар и обещал быть рядом в перерывах между работой.

Паша оказался прав – сегодня в клубе действительно был аншлаг, несмотря на будний день. Я постоянно менял свет и запускал с флешки видеоряд на экране сцены, время от времени подходя к Лилит, чтобы убедиться, что у девушки всё в порядке. Она, как мне казалось, чувствовала себя вполне комфортно, но на танцпол не выходила. Сидела всё так же в баре и пила диетическую колу. Я не стал спрашивать, встретила ли она кого-то из своих знакомых, но заметил, что Стася с ней поздоровался и она кивнула ему в ответ.

Разговор по душам с Лилит в этот раз не мог состояться ввиду моей загруженности, пока шло выступление ди-джеев, да и она говорила, что вскоре уйдёт. Но я так же знал, что сегодня она сделала ещё одну важную попытку самоидентифи-

фикации и принятия, возможно, благодаря моим стараниям.

***

Я долго не мог уснуть, смотря то на светящийся в темноте монитор ноутбука, то в сторону двери, отделявшей пространство моего мира от другой жизни – жизни завсегдаеаев «SVOBODA/EXISTENCE», и разделяющей меня и Лилит. Я снова решил написать что-нибудь в своём дневнике из воспоминаний о прошлом.

Первое время жизни в ашраме я никого не хотел видеть и никому не доверял. Тошнотворно. Вывод? Доверял только себе и Учителю. Мне казалось, что все вокруг наслаждаются, а я – страдаю. Что у меня может быть общего с людьми? У меня было всё для внутреннего счастья и я ни в чём не нуждался. А всей-то нужды в материальном мире – заработать денег для оплаты жилья, еды, одежды. Ну как это называется? Не иронично ли? Заорганизованность, удушье, скука... Хотелось просто жить, дышать и думать. Как бы два меня: один сонный, забывшийся – участник, за которым я наблюдаю, а второй – отстранённый, сам в себе, неуязвимый и не признанный.

Я решил ничего не есть неделю и почти не пить, чтобы ещё больше почувствовать себя монахом. Была такая слабость, и холодно жутко. Сидел под двумя одеялами. Учитель тогда сказал, что крайности не допустимы, а отказ от еды

и воды – прямой путь к смерти. Но смерть мало что меняет, потому что тело перерождается вновь и вновь.

Я очень люблю осень. Холодно и свежо. Ясность. Вечером ложусь спать, а темнота звенит. Такое впечатление, как будтоходишь в какое-то высокочастотное состояние. И оно действительно что-то сжигает ненужное внутри – я чувствовал обновление. В ашраме у меня было много свободного времени для практики Учения – этого внутреннего вглядывания мне не хватало в мирской жизни. Люди обычно откладывают решение проблем на потом. Но ведь так можно никогда и не перейти в мир процветания. Меня интересует, каким вообще образом может произойти качественный скачок, и вообще, возможно ли это? И где достать «паспорт в Нирвану»?

Осень закончилась, а вместе с ней начинают трескаться от мороза мои мифические хрустальные шарики, кружащиеся в пространстве. Я смотрел на небо и понимал, что ни пространства, ни этого самого неба не существует. Когда ударили морозы, я стал обувать ботинки на босую ногу, чтобы вместе с холодом в моё тело вселялось нечто неопределённое. Все, кто видел, были в шоке! Учитель снова сказал, что я бросаюсь из крайности в крайность и никак не могу успокоить свой ум. Я молчал, как рыба. Не хотел ничего. Не видел смысла вообще что-то делать для кого-то и, тем более, для себя. Как сказал Дхритараштра, «никто не может остановить неумолимое время». Что до моих родителей, то мне казалось, что они «мараматеют» понемногу – отличный ма-

териал для исследований и предостережений. Мне оставалось просто любить их. В них я видел много подводных камней, которые подстерегали бы меня, не будь их рядом. Спасибо им!³⁵

Чтение книг Учителя было для меня, как наркотик. Что хорошо, так это то, что книги большие и я буду читать их всю жизнь. Конца и края не видно, да я и не хотел этого видеть. Погружался в какие-то переживания, как в джунгли, в цветник. Есть аргументы, но они не удовлетворяют сердце. Так зачем же нужен ум?

Помню, как в наш ашрам попал Н. – он недавно ушёл в монахи. Молодой парень, но что-то как бы сломалось, нет свободы. А что главнее свободы? Свобода – это когда никто никому ничего не должен. Нет обязательств. И её достижение возможно только когда живёшь рядом с личностями, которые сами не терпят обязывать кого-либо и ценят и любят свободу сильнее всего на свете. А если таких людей рядом нет, то единоличное поддержание этих принципов приведёт к неминуемому прессингу со стороны всяких демонов. Или, говоря другими словами, свобода – это естественное, изначальное, трансцендентное состояние, которое не омрачено никакими ограничениями. Ни по желаниям (боязни их желать), ни по способностям. И ещё настоящая свобода, я считаю, – это творческое состояние, когда любое действие

---

³⁵ Дхритара́штра – слепой царь Кауравов, герой древнеиндийского эпоса «Махабхарата».

является созидающим и приносит радость. Вот так, я боюсь. Безмолвие и праздность – вот два бубенчика моего джокера. Безмолвие – в смысле, неопределённость.

Всё потихоньку становилось хуже и хуже. И это было хорошо. В этом я видел свой прогресс в практике Учения, но я ошибался... Можно сказать, я влип. Одновременно я очень страдал и очень наслаждался. А в результате – ноль. Ничего не хотел снова менять. Никуда не хотел больше ехать. Думал, что мне и тут фортово. Мне не страшно. Я доволен, так чего же мне хотеть? Всё и так волнует, тревожит, манит. Всё то же пространство, всё те же хрустальные шарики в моих медитациях. Квадраты разбиты на квадратики. Одни – черно-белые, другие – с переливом. Иногда, если присмотреться, цветным. Между ними – правильные геометрические фигуры и плоскости. Там можно заблудиться. Очень тихо, но я слышал музыку – сложные построения, похожие на шум. Дух захватывало. Это моя родина. Моя планета...

Примерно в таких метаниях провел я свой первый год в ашраме. Помогло ли мне это? Продвинулся ли я каким-то образом на своём духовном пути? Познал что-то или открыл для себя? Я пока не нашёл ответ на эти вопросы, хотя и так знал, что ответ всегда был во мне, он никуда не исчезал и ниоткуда не появлялся.

А что в итоге сейчас? Я странно обленился. Стал ложиться спать прямо в джинсах, как ковбой. Жутко сознавать этот факт, it's true! Иногда не ем весь день (control the mind) и ло-

жусь спать после ночной смены в клубе, но под утро снова встаю, картинки рисую, мантру читаю. Тихо так, хорошо, пространство со всеми деталями будто прозрачным становится. Мне опять начали сниться интересные приключенческие сны. Видел трехэтажный замок, который часто появлялся в моих снах ранее. Но теперь он уже обветшал и как будто я туда возвращаюсь спустя много веков, и мне его возвращают. На верхнем этаже что-то типа художественного музея, как Эрмитаж. И очень прикольно было узнавать вещи, которые давным-давно я собирал в коллекцию, тоже сильно постаревшие. Я там всё осмотрел. Создалось впечатление, что я туда прибыл с другой планеты и был крайне удивлен, что что-то сохранилось. Вот такой вот необычный сон.^{36 37 38}

Ещё я заметил, что у меня нет чётких предпочтений. Даже иногда теряюсь, когда возникает необходимость спланировать день. Имею ввиду, что не могу определить, какое же время суток наиболее любимое. Нравятся и ночь, и сумерки, и раннее утро, и позднее, и день. Можно было бы остановиться на том, чтобы вообще не спать. Но вот незадача – я и спать люблю. Так что я в растерянности. Единственное предпочтение – видеть поменьше двуногих. Мало

---

³⁶ В переводе с англ.: Это правда!

³⁷ В переводе с англ.: Контроль ума, сознания.

³⁸ Мánтра – набор звуков, отдельных фонем, слов или группы слов на санскрите, которые, по мнению практикующих, имеют резонансное (активируют зоны тела), психологическое и духовное воздействия.

кто из людей доэволюционировал до состояния «неважности» – а только их и принято лицезреть. Я вспомнил, как однажды познакомился с психоаналитиком. То, что она задвигала, – полный бред. Так плоско, всё на уровне логики. А почему одно событие является следствием другого, ни объяснить, ни понять не могла. Так есть ли между ними связь? И единственным критерием остается «нравится» – «не нравится». Наука! Если я что-нибудь говорил, ей казалось или сентиментальным, или фанатичным. Как я устал от балбесов! Но мне, по правде сказать, иногда нравится такая самонадеянная тупость. Когда люди считают себя страшно умными, а всех остальных – глупыми... Вот кстати, она убеждала меня, что любая секта противопоставляет себя обществу, типа что члены секты спасутся, а остальные – нет. Но наш Учитель никогда такого не говорил и тем более запрещал нам даже в мыслях допускать, что мы возвышаемся над всеми остальными, потому что практикуем Учение.

Учитель являлся основоположником теории Неизменяемости. Претерпевают изменения только представления о нас самих. Если найдешь себя – достигнешь вечной жизни. Вечность неизменяема. Счастье есть. По сути, сейчас это основной философский вопрос для Земли: теория Абсолюта или теория Трансформации. Но по отдельности они обе не верны. Как повторял Учитель, нельзя бросаться из крайности в крайность! Или, как сказал один мой друг, не будем бить

в барабаны, будем делать все тихо, как ниндзя. ³⁹

Интересно, о чём думает Лилит? Что её тревожит? Возможно, когда она придёт в следующий раз, сама расскажет об этом. И я решил, что стану записывать в свой дневник и её мысли тоже – это поможет мне разобраться в её внутреннем мире и проследить происходящую с ней трансформацию. Чем больше я общался с этой девушкой, тем больше понимал, что между нами действительно много общего. Просто чувствовал это. Так же, как чувствовал: увижу ее, поговорю с ней – и все изменится. Что именно изменится – я конкретно не знал, но время покажет. Мы смотрим на мир не только своими, но и чужими глазами. И иногда нужно просто посмотреть на свою жизнь со стороны. И ... *увидеть*

***

Лилит первая вышла на связь. Прислала сообщение в тот момент, когда я собирался погрузиться в медитативную практику.

«Приглашаю тебя на прогулку, хочу показать красивые дома», – написала она. Коротко и ясно. До работы оставалось целых четыре часа, и я принял её приглашение.

Она ждала меня на углу улицы и казалась не такой бледной, как обычно. Увидев меня, она улыбнулась, и я подумал,

---

³⁹ Разведчик-диверсант, шпион, лазутчик и наёмный убийца в Средневековой Японии.

что действительно каким-то образом потихоньку вытягиваю её из депрессии.

– А откуда ты вообще знаешь столько об истории города? – поинтересовался я.

– Моя бабушка по маминой линии – историк и написала несколько книг. Бабушка рассказывала, что мы принадлежим к старинному польскому дворянскому роду. У моих предков в другом городе была своя усадьба с оранжереей и большой библиотекой, в которой хранились не только ценные книги, но и домашний архив. У моего дяди дома есть мебель из родовой усадьбы и несколько старинных картин, которые он получил в наследство, а маме достались предметы из саксонского фарфора (часть сервиза и статуэтки), а также комплект фамильных украшений из золота. Бабушка нашла в архивах фото усадьбы. Когда я была маленькой, мне нравилось их рассматривать. К дому вела широкая въездная аллея, а сам дом был поделен на две половины. В усадьбе устраивали пышные балы, где собирались именитые гости. Все мои предки очень любили искусство! Моя мама – известная балерина, а папа – музыкант. Один дедушка – художник, а другой был дирижёром оркестра. Мои родные тёти и дяди тоже из мира искусства. Так что вся наша семья – представители богемы. А у тебя какая семья?

– Ну по сравнению с твоей, у меня самая обычная семья, совсем не творческая! Папа – инженер, а мама ещё с советских времён работала администратором в гостинице.

Ещё у меня есть две сестры: старшая живёт в Питере, младшая – во Франции (вышла там замуж). Старшая сестра последние лет 15 находится в духовных поисках, чему я рад. Она даже одно время «ОМ» меня учила произносить и была единственным человеком, который нормально воспринял моё монашество. Мы часто обсуждали с ней всякую всячину, но у неё свои демоны. А вторая сестра абсолютно не метафизична. Её интересуют только семья и дети, хотя человек она очень милый и добрый. Однажды я даже гостил у неё в пригороде Парижа. Вот, в принципе, и всё о моей родне. А куда мы сейчас идём? – спросил я.⁴⁰

– В театр, на сцене которого танцевала моя мама и где прошло моё детство. Но сейчас этот театр никому не нужен. С тех пор как в нашем городе построили новый театр, старое здание заброшено и разрушается с каждым годом. Никто не готов вкладываться в его реставрацию, хотя это очень красивый старинный особняк – бывший Клуб приказчиков, и на его сцене даже выступал Владимир Маяковский. Там памятная табличка висит, я помню её ещё с детства, – сказала Лилит. – Знаешь, почему мы идём именно туда? Этот театр – тоже часть моей терапии, а ты меня каким-то образом вдохновляешь и не даёшь шанса свернуть и бросить всё на полпути.

Разумеется, я понимал. Ведь это я сам придумал для неё

---

⁴⁰ В индуистской и ведийской традиции – сакральный звук, изначальная мантра, «слово силы».

эту терапию – постепенно посещать места, которые для неё много значат, не бояться заново переживать связанные с ними эмоции, вспоминать себя прежнюю и собирать по кусочкам себя настоящую. Это в своём роде перезагрузка, как будто Лилит на какое-то время выключила в своей голове компьютер, а потом перезагрузила его, перед этим почистив и установив новые программы и избавившись от вирусов. Ей, кстати, очень понравилось такое сравнение и она сказала, что я теперь – её личный программист.

Мы пришли к зданию старого театра. На фасаде действительно висели мемориальные таблички, но благородное прошлое этого особняка было скрыто за следами вандализма, разрухи и опустошения. Былое величие театра осталось в другом тысячелетии, и сейчас, наверное, вряд ли кто, проходя мимо этого здания, вспомнит, что в его стенах звучала музыка, светили хрустальные люстры и на сцене создавалось волшебное искусство. Но несмотря на такое плачевное состояние, объект был под охраной и внутрь нас не пустили, но разрешили погулять по заднему дворику. Лилит показала дверь служебного входа, через которую она обычно проходила вместе с мамой на спектакли и репетиции.

– Мама в молодости была солисткой балетной труппы театра, очень часто ездила на гастроли. Практически на всех репетициях я находилась с мамой и с самого детства уже знала, что тоже хочу танцевать на сцене и что балет – это смысл моей жизни! Все в театре меня знали и любили, я бы-

ла такой маленькой и, как мне казалось, не по годам умной девочкой. Иногда мама просила не мешать и посидеть где-нибудь в другом месте – в фойе, гардеробе или в гримёрке (спектакли я смотрела, конечно, в зрительном зале, сидя рядом с тетей Олей – капельдинершей). Однажды я познакомилась с одним, как мне тогда казалось, старым дедушкой. На самом деле это был мужчина средних лет, но с бородой, и для меня он почему-то был старым дедом. Видишь вон тот чердак над крышей в правом крыле здания? Там находился портновский цех, а мужчина с бородой был главным портным в театре. Он придумывал и шил костюмы для актёров и танцоров. Когда я грустная сидела в фойе театра в ожидании мамы с репетиции, дедушка подошёл ко мне и сказал, что покажет мне волшебный чердак, где много красивых платьев. Его звали Родион Кузьмич. Он предупредил маму, что забирает меня на экскурсию к себе в цех и потом приведёт обратно. Это действительно был волшебный чердак! Я помню эти необыкновенные эмоции, когда мне разрешили померить красивое бальное платье феи. В этом цехе было много манекенов, рулоны с тканями и большие столы для закройщиков, и несколько женщин резали ткань под руководством Родиона Кузьмича и потом шили на машинке или вручную. Одна женщина помогла мне переодеться в бальное платье и моей радости не было предела. Я попыталась покружиться, как это делала мама на сцене, и все в один голос сказали, что я – будущая прима. Прошли годы, и я действитель-

но стала балериной! Потом я ещё несколько раз приходила в портновский цех, пила чай с Родионом Кузьмичом и его сотрудницами. Когда у меня был премьерный спектакль в балетном училище, он сшил мне потрясающий костюм и пришёл меня поддержать, а после спектакля вручил цветы и пожелал творческих успехов. Он вообще был очень добрым и необычным человеком – любил театр и моду, писал стихи и верил в пророка Бахауллу, но свою веру никому не навязывал. Благодаря ему я поняла, что костюм оживает только в роли, и что без хозяина – актёра или танцора – это просто вещь. «Пока актёр не чувствует себя в костюме как дома, он не чувствует себя как дома и в своей роли» – это слова Оскара Уайльда, которые Родион Кузьмич часто повторял. Он создавал действительно волшебные костюмы, которые были продолжением актёрского таланта.^{41 42 43}

Мне было очень интересно слушать рассказ Лилит. Когда она говорила о театре и работавших там людях, её глаза блестели и на впалых щеках появлялся лёгкий румянец, а хрупкое, почти безжизненное тело вновь обретало былую силу и готовность бороться. Бороться с болезнью и самой собой – ради ЖИЗНИ. Я верил в то, что Лилит больше не хочет уми-

---

⁴¹ Капельдинер – билетёр, рабочий в театре, кинотеатре или концертном зале.

⁴² Бахауллу – иранский религиозный деятель, основатель веры бахаи. По мнению приверженцев, он является очередным пророком, явлением Бога для нашего времени.

⁴³ Ирландский писатель и поэт, один из самых известных драматургов и ключевых фигур эстетизма и европейского модернизма.

рать и нацелена на выздоровление. И я почувствовал, как по моим щекам текут слёзы...

Глава 5

Следующие пару дней я работал в клубе, выполняя свои непосредственные обязанности и иногда общаясь с Лилит по телефону. Какие-то серьёзные темы мы не затрагивали и просто болтали о том о сём. Я рассказал ей, что в последнее время по ночам иногда рисую или смотрю японские мультики, когда прихожу со смены и не могу заснуть. Я восхищён покемонами, и ещё для меня до сих пор бессменным хитом является фильм «Blade». Комиксоподобная фактура меня просто восхищает и даже не знаю, чем зачаровывает. Хотя Учитель считал, что вследствие поглощения большого количества развлекательной информации из фильмов и комиксов мы превращаем в шутку собственную жизнь. Из-за влияния информации мы не можем быть свободны, а любое проявление несвободы – это несчастье. Поэтому нужно дозировать информацию. Говорить об этом Лилит я, конечно, не стал.^{44 45}

Её же любимыми художниками были Модильяни и Дега. Модильяни рисовал женщин с длинными лебедиными шеями и считал, что «счастье – это ангел с печальным лицом». А Дега почти всё своё творчество посвятил закулисной жиз-

---

⁴⁴ Герои популярной компьютерной игры и мультфильмов. Само слово «покемон» обозначает существо, обладающее сверхъестественными способностями.

⁴⁵ «Блэйд» – фильм 1998 года о вампирах, с элементами ужасов.

ни балерин, проводя много времени на репетициях и увлечённо рисуя каждое их движение. Больше всего Лилит нравилось, что балерины на полотнах Дега – это не добившиеся популярности примы, а вечные ученицы, которые работают на износ. То есть художник показывал изнанку балета, которая сильно отличалась от того, что привык видеть зритель. «Фаина Раневская говорила, что „балет – это каторга в цветах“. Быть балериной – это адский каждодневный труд, а успех приходит лишь к единицам. Но пока что я не готова рассказывать об этом, слишком много внутренней боли, понимаешь?» – объяснила Лилит. ^{46 47 48}

Конечно, я понимал и поэтому не настаивал. Всё, что она могла и хотела бы мне поведать в рамках придуманной мной терапии, должно было происходить постепенно, исходя из её внутреннего желания, а не потому что это «надо». Если Лилит, предположим, в данный момент хотела рассказать мне о звёздах или помидорах, но при этом не хотела говорить о танцах или любимых книгах, значит, такова была степень её раскрытия в этот отрезок времени. И так, шаг за шагом, с попеременным, возможно, успехом, она должна была про-

---

⁴⁶ Амедео Клементе Модильяни (12 июля 1884 – 24 января 1920) – итальянский художник и скульптор, один из самых известных художников начала XX века, представитель экспрессионизма.

⁴⁷ Эдгар Дега (19 июля 1834 – 27 сентября 1917) – французский живописец, один из виднейших представителей импрессионистского движения.

⁴⁸ Фаина Георгиевна Раневская (15 [27] августа 1896 – 19 июля 1984) – русская и советская актриса театра, кино и озвучивания.

двигаться в своих мыслях, воспоминаниях и откровениях о себе и своей прошлой жизни к принятию настоящей себя.

Я не был психологом и мало что знал о психотерапии, но Учитель говорил, что все нужные знания уже существуют внутри человека и обусловлены опытом прошлых жизней, и для того чтобы помочь другому человеку, нужно всего лишь наше искреннее желание и вера, и что «инструмент помощи» найдется сам. Иногда я задумывался над тем, что если бы захотел, то мог бы помочь любому человеку в этом мире. Но при этом я не мог помочь самому себе. Вот такой вот нонсенс – сапожник без сапог. Часто мне было сложно разобраться в собственной жизни, хотя я видел проблемы других людей и знал, как им помочь. Или всё-таки думал, что знаю?! Но когда я поделился своими размышлениями с Литлит, она уверила меня в том, что общение со мной оказывает на неё положительное влияние и она чувствует себя более нужной и не такой одинокой и потерянной.

Однажды во время нашего очередного телефонного разговора она вдруг затронула тему кино. Я сказал ей, что мне нравятся фильмы Такеши Китано, потому что там все герои молчат.⁴⁹

«А если бы я когда-нибудь захотела сниматься в кино, то только у Франсуа Озона. Про него говорят, что он гей

---

⁴⁹ Такеши Китано (род. 18 января 1947 года, Адати, Токио, Япония) – японский кинорежиссёр и актёр, комедиант, сценарист, писатель, поэт и художник, телеведущий.

и шизофреник, и что его творчество многими расценивается не иначе как сюрреалистический бред, эдакая суицидально-сексуальная буржуазная сага без конца – не в смысле, что история может длиться бесконечно, а в том плане, что конец его фильмов чётко не определён и в принципе как таковой отсутствует. Но всё равно Озон – мой любимый режиссёр, и я часто представляю себя на месте его героинь», – поделилась Лилит.⁵⁰

Насколько я знал, в его фильмах почти все героини имели или нестандартную сексуальную ориентацию, или психические расстройства, либо и то, и другое вместе. И было слишком много смерти. Но, видимо, в понимании Лилит красота и смерть были тождественны.

«Красивая женщина умирает дважды – это сказала не я, это написал Бодлер. Красота имеет несколько лиц. И одно из них – лицо смерти, оно делает красоту вечной», – я услышал, как Лилит вздохнула по ту сторону трубки и затем продолжила:⁵¹

– Я, например, с детства задавала себе вопросы: кто мы, как мы появляемся в этом мире и для чего живём? Такие размышления наводили на меня сильную грусть. Почему мы, как бабочки, порхаем, а затем умираем? Неужели нельзя

---

⁵⁰ Франсуа Озон (род. 15 ноября 1967 года, Париж, Франция) – французский кинорежиссёр, сценарист и продюсер.

⁵¹ Шарль Пьер Бодлер (1821—1867 гг.) – французский поэт, критик, эссеист и переводчик. Является основоположником декаданса и символизма, повлиявшим на развитие всей последующей европейской поэзии.

превзойти смерть? Меня почему-то не устраивало осознание себя просто девочкой, которая, ходит в школу, занимается балетом, смотрит мультики, общается с друзьями и прочее. Это не есть Я настоящая! Очень хотелось докопаться до глубины своей сущности, реализовать свой потенциал в полной мере. Я не понимала смерти. Почему остается только холодная материя, а куда девается то, что имело какие-то желания, чувства, радовалось и страдало? Не может быть, чтобы всё это бесследно исчезло. Но это был вопрос без ответа. Ответ я нашла, только находясь на грани между жизнью и смертью. Я вдруг осознала, что этой грани вообще нет. Понимаешь? Когда я впервые попала в психиатрическую клинику, я вдруг поняла, что моя анорексия – не что иное как многолетнее наслаждение смертью, медленное самоубийство. Это когда ты вроде бы как и не способен себя убить привычным способом, но тем не менее убиваешь, день за днём отказываясь от еды. А реальность – всего лишь убежище... Но анорексия никуда не исчезает, она постоянно во мне, она – часть меня. Как не бывает бывших наркоманов, так же не бывает бывших анорексиков. Однажды всё возвращается и начинается по тому же замкнутому кругу. Может быть, я когда-нибудь тебе расскажу, но не сейчас... А знаешь, что сейчас? Я мечтаю пойти на чьи-нибудь похороны. Я ни разу не была на похоронах, даже когда умерла бабушка. Я часто думаю о людях, лежащих в гробу: слышат ли они похоронный марш или уже ничего не видят и не слышат? Мне интересно, что же на-

ходится , после того, как ты умрёшь. Иногда я представляю, как меня будут хоронить. И знаешь, почему-то мне хочется, чтобы у меня были классические похороны: с кучей красивых венков, с большим духовым оркестром, чтоб всех черные лимузины развозили, чтоб весна была на дворе или лето, и непременно пели птицы. Все деревья в цвету, а на мне – воздушное белое платье, похожее на балетную пачку. Хотя после больницы я белый цвет просто ненавижу, но мои похороны – исключение. Я была бы чистой, невинной, воздушной и возвышенной в этом белом платье – настоящей балериной. Сейчас у меня вообще, если ты заметил, некий подъём. Даже настроение, я бы сказала, радостное и беззаботное. Правда, не постоянно, а периодами, – сказала Лилит. *там*

Но именно это меня и пугало – перепады её настроения. Да и вообще, мысли о похоронах настораживали. Я спросил, продолжает ли она пить таблетки, но вместо ответа она сказала, что снова хочет погулять по городу, когда у меня будут выходные. Разумеется, я обещал, что мы обязательно погуляем.

***

Включив ноутбук, я сделал ещё одну запись в своём дневнике.

Я часто задумывался над тем, может ли человек постоянно находиться в состоянии ожидания? Интересно, у ко-

го-нибудь ещё возникает похожее состояние? Я, как ни странно, на подсознательном уровне до сих пор в нём нахожусь. Но почему-то каждый раз к тому, чего я жду, добавляются новые детали. Видимо, я недостаточно чётко формулирую свои запросы во Вселенную, хотя и неудачником меня назвать тоже трудно. В моей жизни было очень много хорошего (но я понял это не так давно). Есть даже вещи, которые мне хотелось бы вернуть, но это невозможно по многим причинам. Я был уверен, что вывел для себя своеобразную формулу счастья, но почему-то зачастую я от неё отклоняюсь. Интересно: специально или случайно? И в то же время я чувствовал, что от меня что-то уходит, и оно может уйти совсем далеко. Скрыться где-то за линией горизонта или раствориться в тумане. Или превратиться в птицу и улететь высоко в небо.

На самом деле я пытался понять: так ли уж сильно я хочу быть один, или мне требуется кто-то другой. И это единственный вопрос, на который я не могу ответить честно даже самому себе. В моей личной жизни никогда не прекратится хаос, если я буду попустительствовать этому подставлением щёк.

Быть брахмачари – это проживать некий переходный период в аскезе, отказывая себе во многих привычных мирских вещах. Но считается, что нельзя быть брахмачари вечно. Существует несколько вариантов – ты можешь перестать быть монахом, жениться и уже соблюдать Учение, будучи се-

мейным человеком. Либо ты можешь выбрать высшую категорию отречения от мира и принять обет безбрачия, став странствующим монахом, ездить по миру и проповедовать Учение (как мой Учитель). И так же было много людей, зависших где-то посредине на пути крайностей: одни возвращались в материальный мир и продолжали фанатично соблюдать аскезу, а другие бросались во все тяжкие после долгого воздержания. Моё сегодняшнее поведение тоже нельзя было назвать правильным, потому что, будучи брахмачари, но не находясь в ашраме, я жил в далёком от духовности месте и общался с девушкой. Хотя на самом деле я ведь не давал обет безбрачия, равно как и не вступал с Лилит в близкие отношения и даже, более того, не допускал такого в своих мыслях. Я чувствовал к ней нежность, любовь и сострадание, и это были безусловные, трансцендентные чувства, а не что-то животное и низменное. И в то же время я ругал самого себя, что привязываюсь к этой девушке всё больше и больше, и что мне уже не хватает общения с ней, я действительно скучаю. Ничего подобно я уже очень давно не испытывал! А может, даже никогда. В моей до монашеской жизни отношения с девушками развивались совсем иначе, по привычному сценарию. Но Лилит была другой! И я тоже стал другим, годы пребывания в ашраме меня изменили.

Однажды я встретил бывших брахмачари, это произошло буквально на днях. Мы случайно столкнулись в супермаркете и они первые меня окликнули – узнали по сумке с логоти-

пом Учения. Они рассказали, что жили в ашраме в каком-то южном городе, потом вышли из секты и теперь они – бизнесмены. Типа травку покуривают, и «ничто человеческое им не чуждо». Эти парни покупали много алкоголя в отделе с напитками и приглашали меня на вечеринку. «Будет супер! Приходи к нам», – предложил один из них. Я отказался. Про Учителя – вообще ни слова, как будто его судьба вообще была им безразлична, хотя у одного из них вокруг запястья были обмотаны чётки. Их номера телефонов я сохранил из вежливости, зная, что в моих глазах они были теми, кто слишком легко соскочил и вернулся на прежнюю ступень, а значит – слабыми людьми. Хотя я и обещал не вешать ярлыков и никого не осуждать... Я думал о том, что именно я так не могу, потому что для меня это шаг назад – к тому, чтобы погрязнуть в дебрях Сансары. И на самом деле главным вопросом для меня оставался следующий: не станет ли моё общение с Лилит, вызванное непреодолимым желанием помочь этой девушке, таким же шагом назад? Или же я мыслю совсем иными категориями?

Проблемы, которые я запикивал в глубины подсознания, всё ещё со мной. Может, именно поэтому люди и ведут дневники из года в год, всякий раз покупая новые тетради, когда заканчивается старая, или ведут электронные версии. Дневник – это твой личный психоаналитик, которому ты можешь доверить всё самое сокровенное. Это как исповедь, но в роли батюшки выступает твоя собственная душа, твоё сердце.

И, наверное, на всём свете нет более сильного и страшного судьи, нежели твоё сердце. Учитель говорил, что всё, что мы делаем или получаем от мира, нужно пропускать и через ум, и через сердце, и тогда это будет правильным. Ошибка исключена.

***

С Лилит мы встретились в понедельник после обеда. Погода радовала – на улице было тепло и солнечно.

– Куда пойдём в этот раз? – спросил я.

– Просто будем гулять и я расскажу тебе о местах, с которыми у меня связаны какие-то воспоминания, – сказала она. – Так получилось, что все они как раз сосредоточены в центре города. Моя бабушка, которая историк, жила прямо напротив центрального парка, и я часто у неё гостила, когда родители были на гастролях. Тогда ещё у нее была коммунальная квартира в старинном доме, с огромными резными книжными шкапами, большим круглым столом, покрытым скатертью с бахромой, и «сталинским» диваном с высокой спинкой. Я спала на этом диване, а бабушка – в другой комнате. Ванная, туалет и кухня были общие с соседями, но я это не очень понимала в детском возрасте. У бабушки мне нравилось, потому что у неё жила собачка – белая мальтийская болонка, и мы ходили с ней в парк гулять. Ранним утром парк был совсем пустым, мы с бабушкой и собач-

кой шли по центральной аллее и потом сворачивали налево, в нижнюю часть парка. Мне там нравилось больше всего, потому что в этом месте почти никто не гулял, стояло много фигурок из дерева и ещё был старый фонтан. Вот про этот фонтан я и хочу тебе рассказать. Он был построен в 20-х годах прошлого века. В парке имелось еще несколько фонтанов, но этот – мой любимый – выглядел одиноким и заброшенным. Я никогда не видела, чтобы он работал! Фонтан представлял собой круглую чашу, обнесённую ограждением из бетонированных тумб с толстыми чёрными цепями, а в середине на ступенчатом основании возвышалась небольшая стела. И выглядел он так романтично и загадочно, несмотря на свою запущенность! Кое-где на стенках фонтана можно было увидеть зелёный мох – следы времени. И мне почему-то казалось, что этот старый фонтан хранит какую-то тайну, будто бы под ним есть подземный ход, ведущий в какой-то параллельный мир. Но знаешь, что самое интересное: когда уже будучи взрослой я стала искать информацию об этом фонтане в интернете, то наткнулась на статью одного диггера, который исследовал наш подземный город. Так вот он упоминал, что рядом с фонтаном действительно есть вход в подземелье. Я в детстве была весьма впечатлительным ребёнком, так как росла в божественной среде, но вот откуда я могла знать про подземелье и связь с конкретным фонтаном? Я часто об этом думала. Возможно, у меня уже тогда начали проявляться какие-то способности, похожие на экстрасен-

сорные. Я иногда вижу то, что произойдет, или то, что было раньше. И я запуталась – это плод моего воображения, галлюцинации, или действительно некий дар, который я должна развивать. У меня до сих пор есть некая традиция – в разные трудные минуты своей жизни я прихожу к этому старому фонтану в парке, долго рассматриваю его, представляя, что вокруг него когда-то давно прогуливались женщины в красивых длинных платьях и с ажурными зонтиками в руках. Есть такое понятие – место силы. Так вот, фонтан – моё место силы! Вот мы уже пришли, кстати, смотри, – и Лилит показала мне свой любимый уголок парка.⁵²

Фонтан был совсем небольшой и не обладал какими-то эстетическими и архитектурными изысками, к тому же бетонное основание разрушалось и всё выглядело плачевно, но тем не менее общее впечатление действительно было странным. Фонтан как будто манил к себе, он имел какую-то свою, особенную ауру, вряд ли заметную простому человеку. Когда я увидел Лилит, то с первого взгляда тоже понял, что она особенная! Считается, что когда мы продвигаемся в своей духовной практике, мы становимся способными видеть другие миры. На Первых Небесах есть такие живые существа, как феи. Мне казалось, что Лилит – одна из них, и встретил я её возле дома балерины по имени Фея. Учитель

---

⁵² Диггер – это туристы-энтузиаст, который проникает в различные подземелья, тоннели и катакомбы, исследует всевозможные убежища, заброшенные военные базы и прочие подземные строения.

говорил, что всё в нашем мире не случайно, все события взаимосвязаны: даже если мы не видим этих тонких связующих нитей, это не значит, что их нет. Они есть, и наша задача – научиться их видеть!

– Все время забываю у тебя спросить, как сложилась судьба той балерины, возле дома которой мы с тобой познакомились? – поинтересовался я.

– Она умерла в Армении, от взрыва бытового газа. В то время она уже была на пенсии – век балерины не долгий. Вообще судьбы многих известных балерин трагичны. Ольга Спесивцева – звезда мировой балетной сцены, тоже родилась в нашем городе. Про неё говорили: «В мире родилось яблоко, его разрезали надвое, одна половина стала Анной Павловой, другая – Ольгой Спесивцевой». Она была примой Мариинского театра. Потом она уехала из страны и выступала в составе Дягилевской труппы в Америке, также много гастролировала по Европе и при этом жила в Париже. Когда она должна была танцевать партию Жизели, то ещё будучи в Петрограде посетила психиатрическую больницу, чтобы воочию увидеть сумасшествие и проникнуться ролью. Она не играла, а жила на сцене и вложила в свою Жизель то, что увидела в больнице. А через какое-то время у неё самой начали проявляться признаки психического заболевания. Ольга Спесивцева провела в клинике целых 20 лет, и умерла в Нью-Йорке, дожив до глубокой старости, но никому не нужная и одинокая. Ида Рубинштейн –

звезда Дягилевских балетов, миллионерша и весьма эксцентричная балерина – тоже какое-то время вынуждена была провести в клинике для душевно больных. И тоже несмотря на романы с самыми известными мужчинами и свою популярность, умерла в одиночестве, от сердечного приступа. Великая Анна Павлова простудилась, попав в катастрофу и ожидая помощи спасателей на лютom морозе в лёгком платье. Она умерла через несколько дней, организм не справился с инфекцией. Перед смертью, уже в бреду она произнесла лишь одну фразу: «Приготовьте мой костюм лебедя». От холеры в гордом одиночестве и всеми забытая закончила свои дни звезда Императорского театра Авдотья Истомина, в которую был влюблён А. С. Пушкин. А Ольга Глебова-Судейкина часто чувствовала себя несчастной и задумывалась о смерти. Переехав в Париж, она очень страдала от одиночества. Осознав, что больше не нужна людям, балерина решила заняться птицами и купила несколько канареек, а потом в её доме появились и другие птицы, помогавшие ей сохранять душевный покой и равновесие, а также переносить удары судьбы. Когда немцы оккупировали Париж, она не спускалась в бомбоубежище в часы налётов, а оставалась с птицами. Но однажды балерина все-таки оставила квартиру и после налёта увидела страшную картину – бомба, попавшая в дом, разворотила её жилище и почти все пернатые друзья погибли. Она винила себя, что бросила птиц в минуту опасности. Вскоре она умерла. Кстати, многие ба-

лерины любят птиц и привязываются к ним. Моя мама, например, считает, что птицы – это символ красоты, свободы и грации, и они очень похожи на балерин. Когда балерина парит на сцене в высоком прыжке, отрываясь от земли, она напоминает птицу своими движениями. В балете птицы – одни из самых любимых персонажей. Классическая хореография почти всегда лёгкая и воздушная, а пуанты как бы приподнимают балерину над землёй, к тому же стремление человеческой души к полёту воплощается в образах птиц. И есть много балетных постановок, главными героями которых являются птицы. Мама даже одно время пользовалась только теми духами, на флаконах которых были птицы. Она любила Nina Ricci «L'Air du temps» с хрустальными голубями на крышке и ещё «Vanderbilt» от Gloria Vanderbilt с выгравированным на флаконе лебедем. В детстве я часто играла с пустыми пузырьками, гладила птичек и вдыхала аромат. Мне казалось, что мама рядом со мной, а не где-то далеко на гастролях. Мне очень не хватало мамы, а сейчас я иногда думаю, что чем старше я становлюсь, тем больше заботы она проявляет, превращаясь из нежной птицы в хищную. Я даже не знаю, как это объяснить. Однажды я посмотрела фильм ужасов Хичкока. Там был момент психического превращения, когда мать, подобно хищной птице, атаковала внутренний мир своего сына и полностью овладевала им. Когда я обсуждала этот эпизод со своим психотерапевтом, он сказал, что интенсивность заботы матери настолько не соответ-

ствовала потребностям ребёнка, что в его воображении она представляла в образе злой птицы. Конечно, моя мама совсем не такая, но иногда мне всё-таки кажется, что она тоже может превратиться в какую-нибудь ужасную птицу. Обычно это бывает в моих снах, но маме я ничего не рассказываю. А тебе я рассказываю так много. Интересно, почему? Может, мои воспоминания бессвязны и совсем никому не нужны, тем более когда я перескакиваю с одного на другое. До этого я говорила о трагических судьбах балерин. И это были лишь немногие трагические истории, которые я помню. Я хочу, чтобы ты понимал, что зачастую талант и красота могут превратить жизнь в ад! Большая часть артистов балета – это люди, которые не достигли того, о чём мечтали всю жизнь, из сотни учеников только один пробивается на большую сцену, а остальные рано или поздно попадают в психиатрическую клинику. Наверное, ни одно искусство не стоит таких мучений. Кто-то страдает от депрессии и тяжелых нагрузок; кто-то теряет рассудок от того, что не получилось добиться желаемых высот; кто-то всю жизнь борется с расстройством пищевого поведения; у кого-то истерики и нервные срывы на почве разногласий с руководством театра или членами балетной труппы; другие испытывают тяжкие душевные мучения по каким-то «околобалетным» причинам, но всё равно балет – причина многих страданий. Но в то же время он – источник счастья, потому что в танце ты можешь полностью

раскрыть себя!^{53 54 55 56}

– так о балете писал Иосиф Бродский. Знаешь, если ты не будешь чувствовать это искусство, ты вряд ли сможешь понять меня, хотя тебе это и удаётся каким-то образом. Я чувствую твою поддержку и понимание. И ты мне очень нужен! – произнеся это, Лилит посмотрела мне в глаза, и я воспринял это как крик о помощи. Я должен быть рядом с ней и поддерживать её, и сделать всё возможное, чтобы она выбралась из своего болезненного состояния. О себе я в тот момент не думал, забота об этой девушке занимала все мои мысли и была на первом месте. «Я должен ей помочь» стало моей новой мантрой.⁵⁷

*«Классический балет есть замок красоты,
Чьи нежные жилицы от прозы дней суровой
Пиликающей ямой оркестровой отделены.*

---

⁵³ Слова великого итальянского балетмейстера Энрико Чеккетти.

⁵⁴ Сергей Павлович Дягилев (1872—1929 гг.) – русский театральный и художественный деятель, меценат. Один из основателей и главных идеологов общества «Мир искусства» и одноимённого журнала, организатор «Русских сезонов» в Париже и труппы «Русский балет Дягилева», антрепренёр.

⁵⁵ Главная партия в «Жизели» – «фантастическом балете» в двух актах композитора Адольфа Адана на либретто Анри де Сен-Жоржа, Теофиля Готье и Жана Коралли по легенде, пересказанной Генрихом Гейне.

⁵⁶ Альфред Джозеф Хичкок (1899—1980) – британский и американский кинорежиссёр, продюсер и сценарист. Большинство фильмов Хичкока относится к жанрам триллера и детектива.

⁵⁷ Иосиф Александрович Бродский (1940—1996 гг.) – русский и американский поэт, эссеист, драматург, переводчик и педагог.

И задраны мосты»

Глава 6

Сегодня в «SVOBODA/EXISTENCE» проходила ретро-вечеринка. Юра сказал, что каждая из таких вечеринок – это путешествие в прошлое. Нужную атмосферу должна была создавать не только старая музыка, но и внешний антураж, поэтому его девушка занялась декором: повсюду были развешены виниловые пластинки, плакаты времен СССР с лозунгами, на барной стойке лежали отдельные тома из собрания сочинений В. И. Ленина, а на сцене рядом с диджейским пультом поставили настоящую винтажную радиолу и несколько манекенов в одежде советских времён. Ретро-вечеринка предполагала строгий дресс-код: на подобные party пускали только в костюмах эпохи.⁵⁸

«Я получаю огромное удовольствие, когда сам стою за пультом на таких вечеринках. Это колоссальный обмен энергией с танцполом. Иногда ставишь, казалось бы, всеми забытую мелодию, и вдруг толпа начинает подпевать! Музыка те

х лет не забыта. Я сам когда-то записывал эти песни на бо-бины с радио- и телеэфиров и часами копался в фонотеке своего отца, выбирая наиболее понравившиеся композиции. Конечно, люблю современный стиль, но ретро всё-

---

⁵⁸ Здесь (в переводе с англ.): вечеринка.

таки более живой, в нём есть свой особый драйв. Думаю, мода на него только набирает свои обороты», – поделился со мной Юра.

На подобном мероприятии я был впервые, поэтому всё вокруг казалось мне очень интересным и необычным. Чтобы хоть как-то соответствовать, я повязал на шею пионерский галстук, который можно было получить у охраны при входе – на память о вечеринке. Атмосфера в клубе мне понравилась: все действительно пришли в костюмах и зажигали на танцполе под знакомые с детства песни, но в современной обработке. Кто-то брал одежду в прокат или доставал с антресолей и бабушкиных сундуков, кто-то покупал на блошином рынке или в комиссионном магазине. Получается, что для того чтобы стать гостем такой вечеринки, нужно проявить изобретательность и некий дизайнерский талант, раскрыть свои творческие способности. Публика в «SVOBODA/EXISTENCE» всегда была необычная, и каждый приходящий сюда человек был интересен по-своему. Я понимал, конечно, что многие являлись потенциальными наркоманами или алкоголиками, но всё равно казались глубоко думающими, продвинутыми людьми, а не тупыми тусовщиками, бесцельно прожигающими свою жизнь и родительские деньги. Пожалуй, это отличало наш клуб от других ночных заведений. Случайных людей здесь просто не было! Я сразу понял, что изначальной целью Юры и Стаси было не заработать денег, а создать вот такое крутое камерное пространство для «своих», и им это

удалось!

Наблюдая за посетителями «SVOBODA/EXISTENCE», я как бы оказывался включенным в чужую жизнь, в другое пространство, резко отличавшееся от ашрама, в котором я провёл последние несколько лет. Ашрам и ночной клуб были двумя полюсами на разных концах Земли – столько различий было между ними. Но в то же время мне казалось, что это две проекции единого явления, что они тождественны и совсем не противоречивы. Нужно учиться смотреть сквозь, вернее в самую суть предмета, и тогда узришь истинный смысл. Учитель говорил, что нет хорошего или плохого, что таковым мы делаем вещи в своём представлении сами. Этим я хочу сказать, что и клуб, и ашрам были в своём роде «колыбелью знаний», местом силы для разных категорий людей. Это как если бы зайти в одну комнату через разные двери. Смысл не меняется – комната остаётся комнатой. Путь может быть тернистым и проходить через множество препятствий – как внешних, так и внутренних, через большое количество дверей или сквозь одну лишь дырку в стене. Но итог всегда будет один – каждый придёт туда, куда ему нужно! Именно поэтому я понимал, что, находясь в «SVOBODA/EXISTENCE», я могу не прекращать своих духовных поисков, а даже наоборот, продвинуться на своём Пути.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.